

I 876 963

СЕРГЕЙ ОРЛОВ

I 876963

* СЕРГЕЙ
ОРЛОВ

БИБЛИОТЕКА СЕВЕРНОЙ ПОЭЗИИ

СЕРГЕЙ ОРЛОВ

Избранные
стихотворения

I 876963

ВОЛСГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
АРХАНГЕЛЬСК

1978

P2
0—66

+ кр

Орлов С.

0—66   Избранные стихотворения.   Архангельск,
Сев.-Зап. кн. изд-во, 1978.
159 с. с портр. и ил. (Б-ка сев. поэзии)

В новую книгу стихов известного советского поэта, лауреата Государственной премии РСФСР Сергея Орлова (1921—1977) вошли стихи, посвященные Великому подвигу советских воинов-освободителей, нравственным проблемам современности, родной вологодской земле.

0742—019   4—19—78
M157(03)—78

P2

© Северо-Западное книжное издательство, 1978 г.,
составление, художественное оформление.

РОДИНА

Россия — Родина моя,
Холмы, дубравы и долины,
Грома морей и плеск ручья,
Прими, Россия, слово сына!

Ты стала всем в моей судьбе,
А мне за жизнь свою, признаться,
Как к матери, в любви к тебе
Не доводилось объясняться.

Я только помню черный пал
И полк коленопреклоненный,
Когда он клятвой отвечал
В беде на твой призыв священный.

Я только помню тех ребят —
Безусых, синеглазых, русых,
Что под звездой фанерной спят
В лесах у Мги и Старой Руссы.

Россия — Родина моя!
Есть на земле края иные,
Где шум лесов и звон ручья
Почти такие ж, как в России.

Но небу одному равна
Над головой своей по шири,
Ты первой названа, страна,
Надеждой мира в целом мире.

Россия — Родина моя!
Цвет знамени, цвет ржи, цвет неба —
В них слава древняя твоя
Взлетает с новою на гребень...

В густой траве осколки звезд,
Средь утренней червленной сини
Огонь рябин и снег берез,
Плотин бетонные твердыни...

Я гением горжусь твоим,
Что с правдою навек сроднился,
И ты славна уж тем одним,
Что Ленин у тебя родился,
Что всем народам ты своя,
Россия — Родина моя!

МОЙ ЛЕЙТЕНАНТ

Как давно я не ходил в атаку!
Жизнь моя идет в тепле, в тиши.
Где-то без меня встают по знаку
В бой с позиций сердца и души.
Нет, они не стерлись, как окопы
На опушке леса зоревой,
Но давно уж к ним пути и тропы
Заросли житейской муравой.
Жизнь прошла с тех пор,
Не просто годы.

А за ней, там, где огни встают,
В сполохах январской непогоды,
Возле самой смерти на краю,
Скинув молча полушубок в стужу,
Лейтенант в неполных двадцать лет,
Я ремень затягиваю туже
И сую под ватник пистолет.
Больше ничего со мною нету,
Только вся Россия за спиной
В свете догорающей ракеты
Над железной башней ледяной
Вот сейчас я брошу сигарету,
Люк задраю, в перископ взгляну
Через окуляры на полсвета
И пойду заканчивать войну.
Я ее прикончу вместе с дотом,
Ближним и другим, в конце пути,
На краю земли.
Бело болото.

Только бы его сейчас пройти.
Страшно ли? А как же, очень просто:
С ревом треснет черная броня,
И в глаза поток упрется жесткий
Белого кипящего огня.

Только что́ в сравнении с Россией
Жизнь моя?
Она бы лишь была,
С ливнями, с мальчишками босыми,
С башнями из стали и стекла.
Далеко-далёко, спотыкаясь,
Черный танк ползет, как жук, в снегу,
Далеко-далёко, чертыхаясь,
Лейтенант стреляет по врагу.
А земля огромна, фронт безмерен,
Лейтенант — песчинка среди огня.
Как он там в огне ревущем верит
В мирного, далекого меня!
Я живу в тиши, одетый, сытый,
В теплом учреждении служу.
Лейтенант рискует быть убитым.
Я — из риска слова не скажу.
Бой идет. Кончаются снаряды.
Лейтенант выходит на таран.
Я — не лезу в спор, где драться надо.
Не простит меня мой лейтенант!
Он не хочет верить в поговорку —
«Жизнь прожить — не поле перейти».
Там друзья, там поровну махорка, —
Я ему завидую почти.
Надо встать, и скинуть полушубок,
И нащупать дырки на ремне.
Встать, пока еще не смолкли трубы
В сердце, как в далекой стороне.
Далеко не все добыты доты.
Время хлещет тяжко, люто, зло,
Только бы сейчас пройти болото,
Вот оно лежит, белым бело.
Ох, как трудно сигарету бросить,
Глянуть в окуляры лет — и в путь!
Я один. Уже подходит осень.
Может, он поможет как-нибудь?
Добрый, как Иванушка из сказки,
Беспощадный, словно сам Марат,
Мой судья, прямой и беспристрастный,
Гвардии товарищ лейтенант.

* * *

А мы такую книгу прочитали...
Не нам о недочитанных жалеть.
В огне багровом потонули дали
И в памяти остались пламенеть.

Кто говорит о песнях недопетых?
Мы жизнь свою, как песню, пронесли...
Пусть нам теперь завидуют поэты:
Мы всё сложили в жизни, что могли.

Как самое великое творенье
Пойдет в века, переживет века
Информбюро скупое сообщенье
О путь-дороге нашего полка...

Край любимый в тревоге,
Слезы в тихом дому,
Запутали дороги,
Дали в рыжем дыму.

По-над дымной долиной
На рябины взгляну.
Как знамена, рябины
Нас зовут на войну.

В ЗЕМЛЯНКЕ

Что ж молчишь ты, товарищ бедовый,
И задумчиво смотришь в огонь?
Лучше с песней в землянке сосновой
Разверни на колене гармонь.

Отгремят как тяжелые грозы,
Беспокойные эти года,
И к родным белозерским березам
Нас еще унесут поезда.

Там родные просторы безбрежны,
И летит над просторами прочь
Ветер Ладоги, ветер с Онежья
До Архангельска, в белую ночь.

Нам ли хмуриться грустью безвестной?
Как-нибудь проживем, ничего...
Здравствуй, тихая, светлая песня,
С говорком вологодским на «о»!

Есть на Шексне далекой
Просторная изба,
Под крышей невысокой
Причудлива резьба.

А за лесами где-то —
Огни со всех сторон,
С заката до рассвета
Дерется батальон...

Идут «тридцатьчетверки»
Сквозь синеватый дым.
Орудия с пригорка
Плюют огнем по ним...

Не вскрикнет враг подмятый,
В дыму, в земле, в крови,
Когда кричат ребята
Водителю: «Дави!»

Он все сомнет и вспашет
И скажет в микрофон:
«Порядок в части нашей
Повсюду быть должён».

Он и мамаше тоже
Напишет: «Жив, здоров,
В порядке всё. Сережа,
Твой сын»... Всего семь слов.

А на привале ночью
Как вспомнит, загрустит...
Знакомый домик отчий,
Далекие пути.

Старушку, мать родную,
Зеленую Шексну,
Березку золотую,
Родную сторону...

Ой, не легка дорога
К родной реке Шексне,
В походах да тревогах,
В снегах, в дыму, в огне!

Лежит перед солдатом
На запад горевой
Сквозь смерть и дым кудлатый,
Через трехсотый бой.

Он все пройдет: сквозь воды,
Огни, сквозь всю войну,
Вернется из похода
На светлую Шексну.

В танке холодно и тесно.
Сыплет в щели снег-пурга.
Ходит в танке тесном песня
Возле самого врага.

Крутит мерзлыми руками
Ручки круглые радист.
Из Москвы, должно быть, самой
Звуки песни донеслись —

Через свист и вой снарядов,
Через верст несчетных тьму.
В песне той живет отрада
Во высоком терему...

Хороша та сказка-песня,
Но взгрустнул водитель наш:
«К милой я ходил на Невский,
На шестой, друзья, этаж...
И пока гремят снаряды,
Горизонт за Мгой в дыму,
В Ленинград к моей отраде
Нету ходу никому...

Вот пойдем, прорвем блокаду,
Путь откроем в город наш, —
Закачусь к своей отраде
На шестой, друзья, этаж!»

А певец поет, выводит,
Так и хлещет по сердцам...
К ней никто не загородит
Путь-дорогу молодца!

* * *

Матери, Екатерине Яковлевне

Погадай мне в этот вечер,
Нагадай червонный дом,
С незнакомой дамой встречу,
В брюках, в ватнике, с ремнем.
Может, с картами согласно,
В чаще рыжей, в тьме ночной
Огонек забрезжит ясный,
Словно в сказке, предо мной.

И скажу я: «Стань, избушка,
Передом... Наедине
Не тебя ли мать-старушка
Нагадала в карты мне?»
Хорошо в лесной землянке
Сапоги у печки снять,
Стукнуть, так сказать, по банке,
Завалиться на ночь спать.

Но вокруг лишь тьма ночная,
Дождь стекает по броне,
Да «Калугу» вызывает
Мой стрелок-радист во сне...
«Ни огня, ни темной хаты».
В карты старенькие, знать,
Нам, неверящим солдатам,
Мать не сможет нагадать...

876963

ВОЛГОДСКАЯ 17
областная библиотека
им. П. В. Бабушкина

КАРБУСЕЛЬ

*Памяти товарищей,
погибших под Карбуселью*

Мы ребят хоронили в вечерний час.
В небе мартовском звезды зажглись...
Мы подняли лопатами белый наст,
Вскрыли черную грудь земли.

Из таежной Сибири, из дальних земель
Их послал в этот край народ,
Чтобы взять у врага в боях Карбусель
Средь глухих ленинградских болот.

А была эта самая Карбусель —
Клок снарядами взбитой земли.
После бомб на ней ни сосна, ни ель,
Ни болотный мох не росли...

А в Сибири в селах кричат петухи,
Кедрачи за селом шумят...
В золотой тайге на зимовьях глухих
Красно-бурые зори спят.

Не увидеть ребятам высоких пихт,
За сохатым вслед не бродить.
В ленинградскую землю зарыли их,
Ну, а им еще б жить да жить!..

Прогремели орудия слово свое,
Иней белый на башни сел.
Триста метров они не дошли до нее...
Завтра мы возьмем Карбусель!

ОТДЫХ

Качаясь от усталости, из боя
Мы вышли и ступили на траву
И неправдоподобно голубое
Вдруг небо увидали наяву.

Трава была зеленой и прохладной,
Кузнечик в ней кощунственно звенел,
А где-то еще ухали снаряды,
И «мессершмитт» пронзительно гудел.

Так, значит, нам на сутки отпустили
Зеленых трав и синей тишины,
Чтоб мы помылись, бороды побрили
И посмотрели за неделю сны.

Они пройдут по травам, невесомы,
Пройдут и сядут около солдат,
О мирном крае, о родимом доме
Напомнят и в тиши поговорят.

Мне тоже обязательно приснится
Затерянный в просторах городок,
И домик, и, как в песне говорится,
На девичьем окошке огонек.

И взор твой незабвенный и лукавый,
Взор любящий навек моей судьбы...
Танкисты спят, как запорожцы, в травы
Закинув шлемы, разметав чубы...

СМОТРОВАЯ ЩЕЛЬ

В машине мрак и теснота.
Водитель в рычаги вцепился...
День, словно узкая черта,
Сквозь щель едва-едва пробился.

От щели, может, пятый час
Водитель не отводит глаз.

А щель узка, края черны,
Летят в нее песок и глина,
Но в эту щель от Мги видны
Предместья Вены и Берлина.

ДРУЖБА

Ее начало — в танке тесном,
Где все делилось пополам,
Как черный хлеб, вино и песни,
Необходимые бойцам.
О ней, негромкой и суровой,
В огне проверенной стократ
И освященной алой кровью,
Солдаты вслух не говорят.
Ей клятв о верности не нужно.
Она, такая, выше их.
Солдатская простая дружба —
Как папироса на двоих...

ПОСЛЕ МАРША

Броня от солнца горяча,
И пыль похода на одежде.
Стянуть комбинезон с плеча —
И в тень, в траву, но только прежде

Проверь мотор и люк открой:
Пускай машина остывает.
Мы всё перенесем с тобой:
Мы люди, а она стальная...

* * *

Потомок наш о нас еще вспомянет
В каком-то многотысячном году,
В путь отправляясь на ракетоплане
На только что открытую звезду.

Не представляя, как от звона стали
Земля дрожала в пламени костров
И как ракеты толлом начиняли
И посылали предки на врагов,

Он скажет так (и прав, пожалуй, будет,
Лишь по преданьям знающий войну):
«В тот дальний век изобретали люди
«Катюшу» для полета на Луну».

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему как мавзолеей земля —
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.
На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут,
Грома тяжелые гремят,
Ветра разбег берут.
Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолеей...

* * *

Вот человек — он искалечен,
В рубцах лицо. Но ты гляди
И взгляд испуганно при встрече
С его лица не отводи.

Он шел к победе, задыхаясь,
Не думал о себе в пути,
Чтобы она была такая:
Взглянуть — и глаз не отвести!

* * *

Жить от атаки до атаки,
Мечтать о письмах и тепле
И не отдать огонь бивака
За все удобства на земле.

Мы знаем хлеба с солью цену
И сладость из ручья воды.
Что перед ними всей вселенной
И яства и садов плоды!

* * *

В пустых землянках, в спутанных траншеях
Живет душа исчезнувшей войны,
В глухих углах, где поселились змеи,
Где бревна, как покойники, черны.

Разгладит время жесткие морщины
На всем лице израненной земли,
Не вспомнят люди даже в годовщины
О том, что здесь когда-то битвы шли.

Но, может быть, когда-нибудь потомок
В саду, где вишни с грушами цветут,
Разроет дота древнего обломок
И, содрогнувшись, взглянет в пустоту.

Металл сгоревший плесень охватила,
Во тьму песчинки катятся шурша.
Покажется: во мраке притаилась
Войны умершей смрадная душа!

В КИНО

В колхозе, в кино, на экране
Кварталы Берлина горят,
Смертельною пулею ранен,
Споткнулся на крыше солдат.

Мальчишки скорбят и тоскуют
У самой стены на полу,
И им бы вот так же, рискуя,
Бросаться в огонь и во мглу;

Взбираться на купол покатый
(Полотнище флага в огне)
И мстить за таджика-солдата,
Как будто за старшего брата,
Который погиб на войне.

Механики и полеводы
В шинелях сидят без погон,
Они вспоминают походы,
А зал в полутьму погружен.

И, как на сошедших с экрана
Лихих легендарных солдат,
Украдкой на ветеранов
Притихшие жены глядят.

Стучит, как кузнечик железный,
Поет в тишине аппарат.
И вот над дымящейся бездной
Встает на рейхстаге солдат.

Взметнулось полотнище флага, —
И, словно его водрузил,
Встает инвалид, что рейхстага
Не брал, но медаль «За отвагу»
Еще в сорок первом носил.
Огни зажигаются в школе,
В раскрытые окна плывет
Прохлада широкого поля...
На шумный большак из ворот
Полуторка медленно едет.
Мальчишки за нею бегут.
Кинопередвижку в «Победе»
Давно с нетерпением ждут.

Заката багровые флаги,
И дымный туман над рекой;
Герои Берлина и Праги
С экрана уходят домой.

ГВАРДЕЙСКОЕ ЗНАМЯ

Мы становились на колени
Пред ним под Мгой в рассветный час
И видели — товарищ Ленин
Глядел со знамени на нас.

На лес поломанный, как в бурю,
На деревеньки вдалеке
Глядел, чуть-чуть глаза прищуря,
Без кепки, в черном пиджаке.

Гвардейской клятвы нет вернее,
Взревели танки за бугром.
Наш полк от Мги пронес до Шпреи
Тяжелый гусеничный гром.

Он знамя нес среди сражений
Там, где коробилась броня,
И я горжусь навек, что Ленин
В атаки лично вел меня.

Приснилось мне жаркое лето,
Хлеба в человеческий рост
И я — восемнадцатилетний —
В кубанке овсяных волос.

Такой, как на карточке старой:
Без шрамов военной поры,
Еще не видавший пожаров,
Еще не ходивший в прорыв
На танке гвардейской бригады
По дымному тракту боев,
Еще не писавший в тетради
Ни строчки военных стихов.

Во сне в ту далекую пору
Я глянул с улыбкой, а там
Парнишка с доверчивым взглядом
Шагал напрямик по полям.

Веселый, счастливый, довольный,
Ничуть не тревожась о том,
Что девушка в садике школьном
Впервые тоскует о нем.

Шагал, не жалея пшеницы,
Шагал, тишины не ценя,
Не слушая песенку птицы,
Что встала у солнца звеня.

На русого мальчика глядя,
Мне так захотелось сказать:
«Вернись к этой девушке в садик,
Ей легкие руки погладь.

На тропку сверни из пшеницы,
Почувствуй, как тихо вокруг,
Послушай залетную птицу, —
Не поздно пока еще, друг».

Но тут же я вспомнил о том, как
Ревел над землею металл.
Как в черных окопных потемках
Я письма твои ожидал,

Как небо казалось оттуда
Синей, чем любимой глаза,
И тишь приходила как чудо,
Когда умолкала гроза,
Как падал я в травы устало,
Не помня уже ничего...

Его впереди это ждало —
И я не окликнул его.

9 МАЯ 1945 ГОДА

Я помню эту дату в сорок пятом.
Еще война гремела на войне,
А мы, отвоевавшие солдаты,
Ловили рыбу на реке Шексне.

Гребли вдвоем — он левою, я правой,
Вытаскивали сети не спеша.
Под носом лодки расступались травы
И за кормой смыкались, чуть шурша.

Огромный шар поднялся из-за елей
В заре, не догоревшей до конца.
И мы тогда на солнце загляделись,
Не пряча глаз, не отводя лица.

Река неслась, как время, в дымке алой,
Бесшумно отражая небеса.
И ни одной пылинки не упало
Еще на листья, травы и леса.

А в устье, так, что веслагнулись с треском,
Ворвалась лодка с озера одна.
И в лодке весть на все лады, как песню,
Несли и пели: «Кончилась война!»

Так вот он, мир! И, позабыв про сети,
Причалив лодку к берегу, бегом
Мы побежали к людям на рассвете, —
Мы не могли тот день встречать вдвоем.

Багровый флаг горел, кипел над крышей,
И, может, как в семнадцатом году,
К нему народ бежал, ту весть услышав,
Детишек подбирая на ходу.

С пустыми рукавами председатель
Все речь хотел сказать, как будто спеть,
И молча отворачивался к хате,
А слезы было нечем утереть.

Сейчас для нас как символ день победный,
Победе нашей грозной десять лет,
А он тогда был днем войны последним
И днем начала мира на земле.

Его установили мы, солдаты —
Танкисты, минометчики, стрелки, —
Для всех друзей в том мае, в сорок пятом,
Всем недругам на свете вопреки...

С тех пор не раз цвели сады на свете,
Но мне то солнце утра не забыть,
Оно всем людям мира в мире светит,
И никому его не погасить.

Что знаю я о мире и войне?
Да ничего.
Как в травах льются росы,
Как бьет свинец по танковой броне...
А что еще?
Ты задавай вопросы.

Философ лоб наморщит, как Сократ.
Политик соловьем залетит в пенье.
Ты уши раскрывай, он только рад.
Он полон весь глобальных обобщений.

Я знаю лишь подробности одни.
Я ими обожжен и зачарован.
Ты их забудь. Но все же сохрани,
Как найденную некогда подкову.

Когда-нибудь и зазвенит она.
И ты рукой коснешься строчки ржавой.
Есть мир на свете.
Но была война.
И кровью и железом пахнут травы...

Опять придвинулись
 И не дают вздохнуть
 Года, которые мне были как награда.
 В них просто умереть,
 Как в небеса взглянуть.
 А жить не просто,
 Если жить как надо.
 Я думал там,
 Когда домой вернусь,
 Забуду их и все начну сначала.
 Поверю в радость,
 Тишину и грусть.
 И будет мне,
 Как прежде, горя мало.
 Но вновь придвинулись
 И не дают вздохнуть
 Года, как поле снежное с колючкой ржавой.
 Люк закрываю,
 Выбираю путь.
 И никакого дела нет до славы.
 Не шутки шутим —
 На земле живем.
 Ее железом били,
 Кровью мыли.
 И неужели мы с нее уйдем,
 Как травы, без следа,
 И станем пылью?
 Что травы — да.
 Что станем — тоже да.
 Но в нас витал
 Свободы грозный гений.
 Мы шли освобождая города
 И поднимая нации с коленей.
 ...За пятьдесят товарищам моим.

Им некуда от времени деваться,
Лысеющим, стареющим, седым.
А мне все кажется,
Что им по двадцать.
Гляжу на них и вижу те года,
Где шли они
Во всей красе и силе,
Когда была Россия молода
И судьбами ее
Они вершили.
Там в кирзовых планшетах
Вся она
Лежала поквратно на двухверстках,
Коричневая, желтая и зеленая,
Им во владенье отдана
По горсткам.
Что горсть ее?
Да — глина, да — песок.
Но сталь еще,
И кровь, и пот при этом,
И летний полдень ясен и высок,
Листва шумна,
И птицы свищут с веток.
Лысеющим, стареющим, седым,
С ней всем моим товарищам по двадцать.
Она, как соль
Для хлеба лет и зим,
Что и без нас ведь
Будут нарождаться...

О, русская земля, ты уже за холмами еси!

Слово о полку Игореве

Всю ночь за лесом где-то шла гроза.
 И мне казалось, что на белом свете
 Я молод вновь, как высказать нельзя,
 И сплю на фронте в эшелоне третьем.
 Возле дороги в травах и лозе,
 Раскинув руки, ниц упав неловко,
 Я сплю один, похоронив друзей.
 Полк отвели на переформировку.
 Горят на горизонте города,
 Кричат дороги, пыль белей известки,
 А мне не будет в жизни никогда
 Спокойней, чем на этом перекрестке.
 Как будто в древней песне — позади
 Уже Россия за холмами где-то.
 И на плече моем, присев, сидит,
 Как на холме, птенец, теплом согретый.
 Меня не будит ни орудий рев,
 Ни марш пехоты, проходящей мимо.
 Высокий день встает из-за холмов,
 И солнце раздвигает клубы дыма
 Из-за холмов, из-за моей спины,
 Покрытой солью белой гимнастерки.
 Кончается четвертый год войны,
 И где-то дребезжат окошка створки.
 А это все за лесом шла гроза,
 Гром полыхал, и падали зарницы.
 Слезами застилали мне глаза
 Друзей погибших молодые лица,
 Была душа тревогою полна,
 Забытые сильнее болели раны,
 И вспыхивала белая стена,
 Печатавшая перекрестье рамы.
 На горизонте вновь стоял пожар,
 Крича летели испугнутые птицы,
 А я один, я без оружия, стар,
 И даже пальцем не пошевелиться...

Мы говорим, задумываясь редко,
Что время беспощадное течет.
Как на войне,—с кем бы пошел в разведку?—
А думать надо: кто с тобой пойдет?

Да, так и было. Встанешь с автоматом,
Кисет за пазуху — и на народ.
И говорилось: — Кто со мной, ребята? —
И добавлялось: — Два шага вперед...

Все меньше, меньше остается рядом
Товарищей хороших и друзей
Не потому, что падают снаряды
Давно на территории твоей.

Скорей всего, что ты не тот, который
Когда-то был, и в этом вся беда.
Металл заржавел, потрачен порох,
И незачем ссылаться на года.

Крутые горки укатали сивку —
Не поговорка, мука — поделом:
Ах, не в разведку, в юность на побывку,
И запастись бы верой и теплом.

Тогда бы можно и не хитровато:
— С кем я пошел бы?—молвить в свой черед.
А очень просто: — Кто со мной, ребята? —
И помолчать. И два шага вперед...

В ранней юности, в дальней были,
Не умевших еще любить,
Нас окапываться учили
И траншеи учили рыть.
Старшина не давал поблажки,
Над душой стоял — не ленись,
Без команды не пей из фляжки —
Так у нас начиналась жизнь.
Крепче в землю вожмись и вройся,
Белый бруствер укрой травой,
А потом ничего не бойся, —
Ты с землей, и она с тобой.
Та наука до пота и дрожи.
А потом на весь свет война.
Был большим оптимистом все же
Обучавший нас старшина.
Но опять его вспоминаю,
Я не вспомнил бы без нужды,
И причина тому иная,
Да не скажешь ей «подожди».
По годам я давно уж маршал,
А судьбой навсегда солдат.
Трудно в землю врываться с марша,
Но нельзя отходить назад.

* * *

Конь плакал. Падала звезда.
Летели птицы в глубь заката.
И шли неведомо куда
Себя забывшие солдаты.

Мир стал похож на водоем,
В нем, словно водоросли, мысли
Струились неживым огнем
И тучами печально висли.

Но где-то все-таки была
Граница воздуха и света,
Тончайшая, как гладь стекла,
День накрывающая этот.

Еще рывок, еще бросок,
И можно будет, можно будет
Пробить его наискосок
И, вынырнув, вздохнуть всей грудью.

Ах, какой мы штурмом взяли город
На заре морозной в январе!
В нем сирень клубится, а не порох,
Дети в каждом доме и дворе.

Год мы этот город штурмом брали.
Над болотом с черною водой
Танки шли, горели, догорали,
Столбики вставали со звездой.

Музыка играет на вокзале,
В парке птицы на ветвях свистят,
Девушки с зелеными глазами
Пьют в кафе стеклянном лимонад.

Полк однажды вновь завел моторы.
За колонной хлынули ветра.
В рост, не нагибаясь, шли саперы
Там, где был передний край вчера.

Людям стало жарко на морозе.
Стлали гати, ставили мосты,
И гармошка драная в обозе
Жала на басы до хрипоты.

В окнах тыща солнц встает с рассвета,
Улицы веселия полны,
Он красив и молод, как планета,
Никогда не знавшая войны.

Белый город с небосводом синим.
От позиций наших в давний год
Пять минут всего, пожалуй, ныне
Электричка до него идет.

Полк моторы заглушил, как умер.
Нам открылся город на заре.
Лишь стучал штабной морзянки зуммер
На заре вечерней в январе.

Ничего. Ни дома и ни дыма.
Ни души в округе. Падал снег
Медленно, бесшумно, нелюдимо...
День кончался, начинался век.

Знаю я, что в мае, в сорок пятом,
Выиграв великую войну,
Маршалы завидуют солдатам,
Шедшим пешим ходом с автоматом
До победы через всю страну.
Через всю Европу до рейхстага
Шедшим, совершая чудеса,
Как поется в песне, шагом, шагом
Через реки, горы и леса.
И недаром, грустив, недаром
В тишине сосновой под Москвой,
Проверяя гранки мемуаров,
Маршалы последней мировой
Знают — нету на войне сражений.
Знают — есть солдатский крестный путь,
Чернозем и глина по колени,
Снег по пояс и вода по грудь.
Все охваты, клинья, контрудары,
Трижды свят, сам черт ему не брат,
Совершил бессмертный, легендарный —
Никуда не денешься — солдат.

Памяти Г. К. Жукова

Умер маршал. Нет, не умер маршал,
А навек вернулся в строй полков.
Тех полков, что под Москвою с марша
В бой уходят в пламени снегов.

С ним его бессмертные солдаты.
Дождь прошел высокий, как штыки,
Под Берлином в мае, в сорок пятом, —
Как они сегодня вдруг близки!

И опять, как в памятное лето,
Небеса июньские чисты.
Сняты с орудийного лафета
Медленно тяжелые цветы.

Полдень двадцать первого июня.
С музыкой нежданной марш-броска
Мимо угасающих петуний
Двигутся стремительно войска.

Может быть, успеют до рассвета.
Знаю я, они успеть должны.
Крутится стремительно планета.
Умер маршал мировой войны.

Когда это будет, не знаю, —
В краю белоногих берез
Победу девятого мая
Отпразднуют люди без слез.

Поднимут старинные марши
Армейские трубы страны,
И выедет к армии маршал,
Не видевший этой войны.

И мне не додуматься даже,
Какой там ударит салют,
Какие там сказки расскажут
И песни какие споют.

Но мы-то доподлинно знаем,
Нам знать довелось на роду,
Что было девятого мая
С утра в сорок пятом году.

Кто же первый сказал мне на свете о ней?
 Я никак не припомню сейчас.
 Может, первый назвал ее имя ручей,
 Прозвенел по весне и погас.

Мог сказать бы отец, но я рос без отца.
 В школе мать говорила, обучая детей.
 Я не слушал, я ждал лишь уроков конца, —
 Дома не с кем меня оставлять было ей.

А вокруг только небо, леса и поля,
 Пела птица-синица, гуляли дожди,
 Колокольчик катился, дышала земля,
 И звенел ручеек у нее на груди.

Может, птица-синица, береза в лесах,
 Колокольчик с дороги, калитка в саду,
 В небе радуга, дождь, заплутавший в овсах,
 Пароход, прицепивший на мачту звезду.

Рассказали, как это бывает, о ней,
 Но тогда я, пожалуй, был робок и мал
 И не знал языка ни синиц, ни дождей...
 Я не помню, кто мне о России сказал.

АКРОПОЛЬ

В незапамятном детстве раннем
Я увидел впервые город —
Сказкою о царе Салтане
Он открылся мне с косогора.

Вал зеленый у вод блескучих,
Стены сахарные над валом,
Золотые луковки в тучах
Лента радуги обвивала.

Голубиная почта меркла
В синем небе над головою,
Звон катился на крыши с церкви,
С колоколен, медным прибором.

Крыши крыты железом красным,
Окна в два ряда и заборы.
Потрясенный творимой сказкой,
Въехал я на телеге в город.

Первый город мой, в зорях алых
Щедро ты мне дарил открытья,
С чудом первой любви, пожалуй,
Мог тебя одного сравнить я.

И хотя на земле с тех пор я
Повидал городов немало,
Выходил к ним спокойно, к гордым,
Из ворот гремящих вокзалов, —

Но недавно, за синим морем,
В королевстве чужом, не в сказке,
Будто снова я въехал в город
На телеге мальцом вихрастым.

Белый мрамор колонн летящих —
С морем синим и небом рядом, —
На холме под солнцем палящим
Мне открылась земля Эллады.

И, увидев впервые город
Изо всех городов на свете,
Словно солнце и словно горы,
Переживший тысячелетья, —

Замер я, словно в детстве раннем,
Заглядевшись с косогора,
Перед молодостью сказанья
На земле сухой, словно порох.

Я уже никогда не забуду
В небе полные солнца колонны
И безгрешного детства чудо —
Мой Акрополь в лесах зеленых.

Светлый север, лес дремучий
В узорочье, в серебре...
Как медведи, в небе тучи
Черно-буры на заре.

Ели — словно колокольни,
Тишина, как спирт, хмельна,
И из трав встает над полем
Рыжим филином луна.

Пенье весел, скрип уключин,
Рокот журавлиных стай...
Не скажу, что — самый лучший,
А милей всех сердцу край!

ДЕРГАЧ

Зацвели за Вологдою ивы,
Вскрылась полноводная Шексна.
В эти дни меня зовет призывно
В отчий край раздольная весна.

В тонкий ствол оттаявшей рябины
Прянул сок могучею струей,
Из Египта устремились клином
Журавли горластые домой.

И бежит через края чужие
Все пешком домой дергач, пешком,
По земному шару всё в Россию —
Тонкий, голенастый, хвост торчком...

Человеку холодно без песни.
На земле, открытой всем ветрам,
Я не знаю: в мире место есть ли,
Где не верят песням, как кострам;

Песни на земле не сочиняют, —
Просто рота городом пройдет,
Просто девушки грустят, мечтают,
Да гармошку кто-то развернет.

Белая береза отряхнется,
Встанет под окошками в селе,
Сердце чье-то сердцу отзовется, —
И поется песня на земле.

Как лесам шуметь, рождаться людям,
Ливням плакать, зорям полыхать —
Так и песня вечно в мире будет,
И ее не надо сочинять.

ПОБЫВАЛЬЩИНА

Здесь лесов-то тьма, а в лесах Тотьма
Утонула — не видно крыш.
Как придет зима, занесет дома,
Сверху Тотьмы не разглядишь.
Все леса, леса, вплоть до полюса,
И на юг леса, на восток,
За околицей хвоей колются,
Пробираются без дорог.
А в лесах она, река Сухона,
В ней веслом до дна не достать,
Как придет весна, думы вслух она
Начинает петь-напевать.
Она баскими дарит сказками,
А за сказками бает быль,
Быль неласкова, глубь опасная,
Разбиваются волны в пыль.
По реке плоты
В сорок две версты.
До небес семь верст
Лесом все...
В небе тыщи звезд,
Месяц в полный рост,
И медведи ходят в овсе.
Хочешь — верь не верь,
Приезжай, измерь,
Не мешай человеку врать.
Это просто проверить
Тебе теперь —
Самолетом рукой подать.
Полчаса не срок, городок у ног,
И леса стоят, как сказал,
Только вот, браток, что насчет дорог, —
Про дороги я не соврал.

К нам дороги ягою мерены
Лет полсотни назад клюкой,
И клюка ее здесь потеряна,
В темном лесе за Юг-рекой.

ВСТУПЛЕНИЕ К СКАЗКЕ

Вечер небо за окнами вызвездил,
Небо сыплет синими искрами,
Месяц землю посыпал известью,
Будто город только что выстроенный.

Огонек, словно нос утиный
В лампе-луковице стеклянной.
Он да я, да сказка старинная —
Трое в горнице деревянной.

Сказка ходит в дорогу одетая,
По сверкающим половицам,
Вы запомните сказку эту, и
Эта сказка вам пригодится.

Про жар-птицу она известная,
Есть на свете река зареница,
Как охапки огня чудесного
Там проносят хвосты жар-птицы.

Чуден свет этих перьев, чуден,
Как от солнца от лучезарного.
Просто диву даются люди,
Не дается им только жар его.

Вот поймать бы, мечтают люди,
Посадить бы в светлицу птицу,
Чтоб при этом пречудном чуде
Жить в веселье им и трудиться.

Пить чай с малиной, смородиной,
С молоком топленным, с ватрушкой,
А откуда та сказка родиной —
Я тебе расскажу,
Ты слушай.

Болото, да лес, да озера,
Да выцветший купол небес.
Деревня взбежит на пригорок,
И снова болото да лес.

Там сплавщик встает над рекою,
Багор занеся, как копье.
И ветер, не зная покоя,
Старинные песни поет.

Там солнце — в рыбацкие сети —
Запуталось в белую ночь,
И парус трещит на рассвете,
Не в силах волны превозмочь.

Дарил меня первой любовью
И горем и радостью он,
И славой своей, и присловьем —
Всем, чем и богат и силен.

И в нем понимать я учился
Травы и деревьев язык,
В воде и огне окрестился,
К веслу и винтовке привык.

До песен и сказок охочий,
Хранящий и радость и грусть,
Мой северный край. Заволочье.
Моя журавлиная Русь.

Всплошную голубым узором
Мороз разрисовал окно.
Темно становится, и скоро
Зажгут огни. Пора б давно...

Сверчок скрипит в углу за печкой,
А я глаза закрою вдруг,
И мне покажется — кузнечик
Трубит на весь в ромашках луг.

Качнутся легкие березы,
Как луг, запахнет старый дом.
Но это мать вошла с мороза,
Внесла подойник с молоком...

БЕЛОЗЕРЬЕ

Здесь ели — словно колокольни
Подняли к облакам кресты,
И древней темнотой раскольной
Темны овины, как скиты.
И за раздольем трав духмяных,
Болотных, рыжих и густых,
Над озером плывут туманы,
Плывет протяжный шум тресты —
Как гул молитвы староверской,
Сердца щемя глухой тоской...
О, край дремучий белозерский,
Старинный, озерной, лесной!

КОЛОДЕЗНЫЙ ЖУРАВЛЬ

За околицей у колодца
Долговязый журавль стоит,
Воду пьет — никак не напьется,
Хочет в небо — и не взлетит...

В небо цепь его не пускает,
И, с тоскою шею подняв,
Смотрит он, как на юг улетают
Журавли на исходе дня.

ПОЕЗДКА В КОВЖУ

Ивану Бузину

Это мне запомнится — начало
Лета, уходящего в леса,
Чайки подрались у причала,
Плачут, надрывая голоса.

Ветерок, излюбленный шалоник,
В мокрое уперся полотно.
Чайки вслед затяли погоню, —
Только не догнать нас все равно.

Вот уже белеет церковь Спаса,
С берега донесся запах трав,
Дым жилья, к себе зовущий властно,
Шелест зацветающих дубрав.

Дранкой, будто рыбьей чешуею,
Крыты избы ковжских рыбаков.
Будут там нас потчевать ухую,
Сладкой жарениной из снетков.

Облако за месяц зацепилось,
За рекой кричали поезда.
Ничего такого не случилось,
Только грусть пропала без следа.

Просто захотелось оглянуться,
Постоять у моста, у воды,
До неба тростинкой дотянуться,
Прикурить сигарку от звезды,

Услыхать травы произрастанье,
Трепет заполючных планет
И еще того, чему названья
В нашем языке, пожалуй, нет...

* * *

А мне, пожалуй, ничего не надо,
Лишь строй берез серебряных в снегу
Да леса сине-белую громаду, —
Клянусь, что так. И я, друзья, не лгу.

А что еще? Да жить на белом свете,
Быть может, до шестидесяти лет.
А что еще? Могу друзьям ответить —
Весь, до былинки, этот белый свет.

Л. П.

Ты любовь не зови,
Коль ушла она прочь от порога.
От несчастной любви
Есть отличное средство — дорога.

Километрами меряй
Летающее время разлуки.
Позабудешь потерю,
Коль занято сердце и руки.

Поброди по тайге, задубей
От наждачных ветров на заимках,
От железных дождей,
От мороза и льда, от зазимка.

Топором поработай
И горы порви аммоналом,
Все забудь и, припомнив кого-то,
Вернись и влюбляйся сначала —

В синеглазую девушку,
Вовсе не схожую с тою,
Не подумавши (где уж там!),
Стоит любить иль не стоит.

И нагрянет любовь,
От которой некуда деться,
А коль влюбишься вновь —
Помогло, значит, верное средство!

КРУЖКА МОЛОКА

Гончар на круге деревянном
Ей отдал взмах руки своей,
А после печи цвет каляный,
Пожар малиновых углей.

Огня, воды и глины дружба
Застыла каменным цветком.
Ах, эта глиняная кружка
С парным душистым молоком!

Густым, ромашкового цвета,
Белей любых берез в селе,
Дар утренней зари и лета
На белом скобленном столе.

Под ручку пальцы вдеты снова,
В ладони кружка улеглась.
Глоток — как вдох в бору сосновом,
И вот уж утвердилась связь

С жарой, где воздух сенокоса,
Звеня, пронзают овода,
С большим зеленым лугом росным,
Где речка стынет, как слюда.

Где женщина по рани первой.
По знобкой рани босиком,
Еще не выпавшись, наверно,
Уже прошла, звеня ведром.

Ах, эти глиняные кружки
С парным душистым молоком,
Как их берут поутру дружно
Детишки, вставшие кружком, —

Белоголовы, синеглазы,
В рубашках, стиранных сто раз,
Двумя ладошками, как вазы
Берут хрустальные у нас.

Блестят от соли скипы хлеба,
Сопенье слышится одно,
И не глаза глядят, а небо
Глядит на глиняное дно.

СВЕЖИЙ ХЛЕБ

Рукав просторный засучив по локоть,
Сжимая пальцы в узел кулака,
Его валяют на столе широком
И бьют его с размаху под бока.

Нет, это не обычная работа,
Священнодействием пахнет на столе,
Встречаются здесь грохот обмолота
С порой весенней сева на земле.

Полет ладоней яростен и нежен.
Все праздничней крутая пляска рук.
Валяют хлеб на кухне первый, свежий,
Труда и счастья замыкая круг.

Дожди и ветры пролились на камень.
Гром прогремел заслонкой, день окреп.
Веснушчат, рыж и кругл, как солнце пламень,
На кирпичах благоухает хлеб.

О нем звенит считалка, пляшут дети,
Газеты пишут, и в штормáх судеб
Есть мера высших ценностей на свете —
Любовь, как хлеб, и дружба, словно хлеб,

А в кухне окна настезь, пахнет мятой,
Горячей глиной, молоком парным,
Хрустящей коркой, дымом горьковатым
И полевым простором распашным.

На полотенцах петухи горласты,
Белы полы, как на реке песок.
И все предметы к торжеству причастны,
А день просторен, светел и высок.

МЫТЬЕ ПОЛОВ

Как моются полы до белого каленья? —
Перегибая сильные тела,
Подолы подоткнув и обнажив колени,
Хозяйки моют пол в субботу добела.

Грохочут чугуны, гоняют тряпки воду.
Тяжелым кбсарем раздроблена дресва,
Со щелоком парным и грацией свободы
На праздник утверждаются права.

С угла и до угла летает поначалу
Березовый голик, раздавленный ногой,
Обсыпанный дресвой, пока молчат мочала, —
Всему черед и честь, как в каждой
мастерской.

Здесь чистоту творят, а не полы здесь моют,
Ладони горячи и рук полет широк.
И лифчики трещат. Здесь дело не простое,
Здесь каждый бы из нас за две минуты взмок.

А им хотя бы что! Они как будто рады,
Лукавы их глаза, и плеч изгиб ленив...
Я тоже мыл полы в казарме по наряду,
Но не был весел я, тем более — красив.

А во дворе горят половиков полотна,
Как радуги на кольях у ворот.
Хозяйки моют пол под праздник, в день
субботний,
И праздник настает...

ЩИ

Из лавки овощной доставленный,
Кочан капусты — это сгусток
Поэзии, но не прославленной,
Поскольку он — кочан капусты.

Кочан капусты — это золото
Дождей, качающихся, грузных,
И жарких дней, на солнце колотых,
В клубок закрученное с хрустом.

В нем пенье птиц, ветров смятение,
Прохлада тени, запах мяты,
И первое тепло весеннее,
И звон отточенной лопаты,

И холодок росинки маковой,
Алмазной, гордой и прозрачной,
На листике рассады лаковым
Оброненной зарей кумачной.

Поэзия опубликована,
Все начинается как вызов.
Сталь синяя секиры кованной
И плаха, струганная снизу.

Река в кастрюле медной взорвана,
Топочет пенными кругами,
Шипит плиты планета черная
И брызжет синими цветами.

О, георгины кухни газовой,
Железные цветы горелок!
Кочан капусты волей, разумом,
В своей работе наторелым,

Разделан на лапшу и звездами
Колючей соли пересыпан.
А вот уже и лавры возданы
И перцем сдобрены до всхлипа.

И клубы пара ходят тучами,
Пахучи, яростны, приветны.
Щи возвышаются могучие.
Над ними небеса и ветры.

Цветочки на фаянсе замерли,
И каравай раскрыт, как Библия,
На них глядят, их ждут, их налили,
Они воскресли и погибли!

ПЕТР ВЕЛИКИЙ В ВОЛОГДЕ

Как колокольня ростом длинен,
Сажень в плечах, глазаст, усат,
Царь прибыл в город по причине
Совсем не царской, говорят.

В ботфортах, сшитых саморучно,
С дубиной, струганной ножом,
На складах пристанских, как крючник,
Царь околачивался днем.

Беседы вел с мастеровыми,
С купцами пил, табак курил
И, царское роняя имя,
Пешком по Вологде ходил,

Собак дубиной отгоняя.
Монашки, глядя вслед ему,
Крестами перси осеняя,
Гадали, что теперь к чему.

В глазах его бесовских пламя,
Дым из ноздрей, как две струи,
И кукиш делает перстами
Притом на храмы божии.

А паче, даже думать срамно,
Царь отбывает на покой,
Стуча перстом в перстне по раме
К вдове над Вологодой-рекой.

Ах, либе Анна, либе Анна,
Вдова голландского купца,
Добра, вальяжна и желанна,
Хотя и девочка с лица.

У ней атласы на перине,
Из Амстердама в склянках ром
Что до утра в царевом чине
Он с Анной делает вдвоем?

Тут замирают дух и сердце, —
А царь по Вологде спешит,
Весь солнцем пропечен, как перцем,
Ушкуйник, а не царь на вид.

Он смел в любви и лих в застолье,
Но перед ним сейчас вдали
За речкою не лес да поле,
А море, флаги, корабли.

И Анне в горнице не спится:
Опять на дереве в окно
Поет томительная птица
И жжет в постели полотно.

ПРИГЛАШЕНИЕ

Запаситесь картою,
Поезжайте в Каргополь
Через реки синие
И леса
Зеленые,
Через птичьи голоса
И ключи студеные.

Каргополь, как Акрополь,
С храмами и высями,
На горе стал во поле
Гордо, независимо.
На Онеге во поле,
Чем не брат Акрóполю.

Небо там старинное,
Стиранное ливнями,
С песнями, с былинами,
С елью, как с оливами.
Град стоит, красуется
С простотой естественной,
Возведен не суетно
Топором-кудесником.

А вокруг него холсты
Белые расстелены,
И утрами с высоты
Солнышки рассеяны.
Солнышки рассеяны,
Радуги расставлены
На российском Севере
В стороне прославленной!

НА ВОЛГО-БАЛТЕ

Моей деревни больше нету.
Она жила без счета лет,
Как луг, как небо, бор и ветер, —
Теперь ее на свете нет.

Она дышала теплым хлебом,
Позванивая погромком.
К ней на рогах коровы небо
Несли неспешно людям в дом.

Плывут над ней, взрывая воды,
Не зная, что она была,
Белы, как солнце, теплоходы,
Планеты стали и стекла.

И дела нет на них, пожалуй,
Уж ни одной душе живой,
Что здесь жила, пахала, жала
Деревня русская век свой.

Детей растила, ликовала,
Плясала, плакала, пила,
С зарей ложилась и вставала,
Гремя в свои колокола

Стогов, домов, хлевов, овинов
В богатый год и в недород.
В чем невиновна, в чем повинна,
Теперь никто не разберет.

Я до сих пор твой сын, деревня,
Но есть еще двадцатый век, —
Вывертывает он коренья
И прерывает русла рек.

Что сделал он, то сам я сделал,
Никто другой того не мог, —
И этот лайнер снежно-белый,
И всплывший дедовский пенек.

И я пройду по дну всю пойму,
Как под водой ни тяжело.
Я все потопленное помню.
Я слышу звон колоколов.

А наверху, как плахи, пирсы,
В ладонях шлюзов — солнца ртуть.
Я с тем и этим крепко свыкся,
Одно другим не зачеркнуть.

Вечернее мычание коров —
Деревни нашей древняя молитва —
Хозяек вызывает со дворов,
Ворота раскрывает и калитки.
Они идут. Им улица узка.
Бык впереди, как будто холм горбатый,
А на рогах дожди и облака
Иль чистый пламень тихого заката.
Аркадия, пастушечья страна,
По улице течет живой рекою,
Тяжелые качая вымена —
Колокола домашнего покоя.
Подойники ответно им звенят,
Петух крылом на полотенце машет,
Коричневые кринки встали в ряд,
Стол хлебом-солью, как престол, украшен.
Поет струя парного молока.
Вы слышите, как цвинькают синицы
И вслыхивают вдруг издалека,
Из детства залетевшие зарницы.
Строители дорог и городов,
Солдаты и пилоты космодромов,
Вам всем она с младенческих годов,
Как песня колыбельная, знакома,
Та песенка подойника — без слов,
И руки материнские над нею
У розовых с шерстинками сосков,
Полынью отдающих и шалфеем.
Вы слышите, строители веков,
В местах, ничем другим не знаменитых,
Вечернее мычание коров,
Деревни нашей древнюю молитву?

В моей деревянной России
 Орут петухи да ветра,
 Да с дудочкѣй дядя Василий,
 Как леший, сидит у костра.
 Один с этим небом безгрешным,
 Один с этой чащей лесной,
 Да с дудочкой этой потешной,
 Жалейкой — смешной стариной.
 Жалеет печально жалейка
 Широкое поле и луг.
 Знать, жизнь для нее — не копейка,
 А горя и радостей круг,
 Который как будто кропилом,
 Слепящим на тысячу лет,
 Ни много ни мало — светилом
 Очерчен самим на земле.
 Костра языкатые всплески
 То гаснут, то снова встают.
 В них пламя Смоленска и Бреста
 И мая лазурный салют.
 Чужие края и столицы
 Как будто в рассказанном сне.
 А больше все рожь да пшеница
 Встают и струятся в огне.
 А больше дожди да метели,
 Дороги с темна до темна,
 Да тени в избе-колыбели,
 Да пот — тяжелее зерна.
 Где пламя, где жизнь — не отринешь.
 Над тихой излукой речной
 Без жалости и без гордыни
 Костер догорает ночной.
 Играет жалейка. А рядом,
 На темном лугу, в ивняках,
 Звенит колокольцами стадо
 И мчится куда-то река...

ПЕРЕД ПРАЗДНИКОМ

Еще в городах миллионных
Дома не проснулись пока,
И только одни батальоны
Выходят под знамя полка.
Дымки над Россией косые
Уже завились без числа —
В деревнях и селах России
Ждут праздник еще досветла.
Березовым жаром до края
Наполнены печи подряд.
Хозяйки, как будто играя,
Ухватами тихо гремят.
Их лица огни озаряют.
На лавках широких в квашнях
Негромкое тесто вздыхает,
И бражка бушует впотьмах.
Мужчины еще не проснулись,
Ребята бормочут во сне,
И звонко над реками улиц
Орут петухи в тишине.
За выгоном прибрано поле,
В дворах погуляла метла,
Отпарены в банях мозоли,
Намыты полы добела.
Ждут праздник светло и отратно,
И в окнах горят горячей
Знамена рябин в палисадах
Широким огнем кумачей.

Что может быть проще еще и сложнее
Дороги летящей и поля за нею,
Что может быть жестче еще и нежнее
Ладоней, что только себя не жалеют.

Зеленые звезды дрожат в поднебесье,
Большая Медведица зла и космата,
Но луг соизмерен с кострами созвездий,
С зарею грядущей, с вчерашним закатом.

Как зеркало месяца, падает в травы
Коса — и цветы обжигает под корень.
И древняя жатва обходит державу
С зари до зари, как от моря до моря.

И женщина в ливне пшеничного света
Встает на носки, выпрямляя колени,
Одета в цвета негасимого лета
И им же раздета как бы на мгновенье.

Да песня займется, зовя и тревожа,
А в ней все про то же, что было и будет,
И нет ничего, и не сыщешь дороже
Весь мир повидавшим, все видевшим людям.

КРУЖЕВНИЦАМ

За горами, за лесами,
В заповедной стороне,
Где поют в сугробах сани
С подрезами в тишине,
Снегу полная держава,
Вся земля белым-бела.
Там — собором многоглавым
На юру стоит ветла.
Там — дымки из труб, как спицы
В синей выси-вышине.
Звонко цвинькают синицы
На оранжевой сосне.
Из мороза, льда и солнца
Выстроены терема.
Белым пламенем в оконца
Смотрит алая зима.
Там полы белы намыты.
Занавески голубы.
Без утайки там открыто,
Между делом вроде бы,
Сказки те, что все на свете
До сих пор как чудо чтут,
В кружевцеком сельсовете
Бабы запросто плетут.

ПЕЙЗАЖ

В зеленых травах белая тропинка
Пересекает черное шоссе,
За ним она спускается в низинку,
Купается в серебряной росе.

Потом идет по красному болоту
Среди осоки, камышей, тресты —
И вдруг выводит словно бы к восходу
Упавшей с неба синей высоты.

И ты встаешь перед большим простором,
Где, как сады, клубятся облака
То розовым, то голубым, то черным,
Подернуты движеньем ветерка.

Там на столбах колеблющихся света
Стоит зеленый берег, бор стоит,
Деревня, дранкой золотой одета,
Плывет куда-то, трубами дымит.

Над ней лежат кувшинки, стебли спутав,
И лодка, опираясь на весло,
И выводок в нее ныряет уток,
Пока еще не ставших на крыло.

НА СЕВЕРЕ

Какие ветры ходом здесь прошли,
Срывая кровли и круша каменья.
Алели долго на груди земли
Одни остатки кладок, как раненья.
Леса редели. Заросли росли
Кустарника в полях — где ни попало,
Сыны взошли в иных краях, вдали,
Как семена, что ветром разметало.
А здесь — болото, глина да подзол,
Да лишь о предках праведная память.
Но рожь всходила, лен неспешно цвел,
И шли плоты по рекам с костерками.
Знать, не сорвало, вдаль не унесло
Того, кто в берег вросся, как ракета,
Кто оставался парусом, веслом,
Избой и пашней, песней позабытой,
Всем бурям и ветрам наперекор.
И вот, как будто не было и было,
Звенит топор, пытит дымком мотор,
Смолою пахнут белые стропила.
Над крышами двадцатый век занес
Уже и здесь свои телеантенны.
А на лугах заречных сенокос,
И тишина вокруг благословенна.
Лениво над рекой звенит осот,
Стрекозы пляшут синие над нею.
Она куда-то облака несет,
То вся светлея разом, то темнея.
В реку глядится с берега посад,
И на пригорке, темнолиц и светел,
Стоит мужик, сам черт ему не брат,
У ног его улегся в травы ветер.

За рекой-рекою в зареке,
Возле самого села,
Под вечер и в утра зареве
Песня запросто жила.

Неожиданно запетая
Миг назад, а может, век,
Словно дождь весенний, светлая,
Легкая, как первый снег.

Словно конь буланый в яблоках
На лугу в тени берез,
В радуге она жила-была,
В перезвоне ранних рос.

Я за ней ходил, обхаживал,
Услыхав издавека,
Знал и помнил слово каждое,
Да не выдалась строка.

Пролетела беззаветная,
И теперь сквозь все года
Не забуду песню эту я
И не вспомню никогда.

БЕЛОЗЕРСК

В июле 1972 года праздновали
1110 лет Белозерску

С размаху ахал барабан,
Труба пронзительно дудела.
У городка была судьба,
И в ней, как видно, было дело.
Судьба.
Одиннадцать веков.
Считай, не сосчитаешь годы,
Как цокот воинских подков,
И скрип телег неблагородный.
На свете не было Москвы
С ее державными делами,
А он уже «ходил на вы»,
Светил по свету куполами.
С его районной тишиной
Никто не станет нынче спорить.
Но, деревянный и льняной,
Он помнит тысячу историй.
Поет оркестр, кумач зовет, —
Как видно, не отшибло память.
Неунывающий народ
Идет, как в сказке, сам с усами.
Букеты синих васильков
Цветут на площади, как в поле.
Глядят одиннадцать веков
Вниз с уцелевших колоколен,
На огородов сизый дым,
На город в крапинках ремонта
И щит серебряный над ним —
На озеро до горизонта.

ДИОНИСИЙ

1

Умели деды строить грады
И веси на Руси святой.
Стоят они, очей отрада,
Красой равняясь с простотой.

На наших северных широтах,—
Видать, для света и тепла, —
Как солнышки ручной работы,
Горят над ними купола.

За Вологдой в дали таежной,
В конце проселка на пути,
Зайдешь под свод, и невозможно
Глаза от света отвести.

Веселый грешник Дионисий
Здесь песни пел и краски тер.
Он перенес на стены кистью
Тепло зари и синь озер.

Шеренги праведников рослых
Стремятся в рай, а там встают,
Толпятся мачтовые сосны
У Дионисия в раю.

Рай на горах, в бору с брусникой...
А может, правда, рай — в лесу?
Мой край родной, мой друг великий,
Как опишу твою красу?

Пылает северное лето,
Недвижны сосны. Спит вода.
И, на стожар в лугу надета,
Дрожит вечерняя звезда.

А в дальней дали с новой силой
Через дремучие леса
Старинный град, райцентр Кириллов,
Плывет, расправив паруса.

2

Я видел рай не на небе,
Он в душу мне запал.
Его художник нанятый
В церквушке написал.

Но неподкупна кисть его.
И вот живет века
Работа Дионисия,
Как поле, как река.

Рай с соснами косматыми,
В бору заречном он,
С брусникою, опятами, —
Я в этот рай влюблен.

А он, видать, без памяти
Любил свой бедный край,
Его на стенах каменных
Изобразив как рай!

СТАРАЯ ФРЕСКА

Повстречались мы на заре
Белой ночью в веке двадцатом,
На кольчужном их серебре
След зари блестел розоватый.
Копья, словно солнца лучи,
Были в их ладонях зажаты,
А у бедер остры мечи
И щиты у плечей покатых.
Лица юны, добры, строги,
И ни злобы в них, ни печали,
Будто их на пути враги
Смертью лютою не встречали.
Будто виделся им другой
Мир прекрасный в подлунном лоне.
Белой радугой-дугой
Тонконогие гнулись кони.
Перезванивали стремяна,
Пела в облаке птаха где-то.
И ни дали, ни времена
Были здесь ни при чем при этом.
Молвь людская и конский дых
Плыли в белом льняном просторе.
И застыл я, смирен и тих,
На вечерней заре в притворе.
И стоял я, видя не храм,
Где-то лес палило пожаром,
Города по крутым холмам
Купола вздымали к стожарам.
Сосны в кронах качали дожди,
Солнце в синих катилось высях.
Голос был мне. Он звал: входи,
Это я зову, Дионисий.

МОНОЛОГ ВОИНА С ПОЛЯ КУЛИКОВА

...Лежат князи Белозерски, вкупе побиены
суть...

Сказание о Мамаевом побоище

Их четырнадцать было князей
белозерских,
Я пятнадцатый с ними,
Вот стрелой пробитое сердце
И мое забытое имя.
И стою я в полку засадном
Вольный воин, как терний сильный.
Сотоварищи мои рядом,
Нету только еще России.
Нет России с песней державной
С моря синя до моря синя.
Ни тесовой, ни златоглавой
Нет еще на земле России.
Есть земель вековая обида,
Есть рабы, восставшие к мести:
Чем так жить — лучше быть убитому.
А для нас это дело чести.
Все сомнут мохнатые кони,
По степи помчат на аркане.
Но на нас наткнется погоня,
Ну а мы отступать не станем.
Конь мой гривой мотает рыжей,
Прыщут тучей на солнце стрелы,
Кычут коршуны, кружит крыжень,
А какое до них нам дело!
Как орда Мамаю качнется,
Как мы ляжем костью на поле, —
Так Россия с нас и начнется
И вовек не кончится боле.

НА БЕЛОМ ОЗЕРЕ

Вы верите в зеленые дворы?

Сергей Наровчатов

Я по мосткам скрипучим по дощатым
Прошел на лаву и через канал
На озеро, — там, где песок крупчатый
Когда-то белым пламенем пылал.

Там нынче валунов гряда лежала
И с озером мешались облака.
Шагнешь и в небо упадешь, пожалуй,
И камнем канешь в нем наверняка.

По горизонту весь в огнях, как город,
К причалу приближался теплоход,
А рядом двое с тихим разговором,
Девичьи руки белые на взлет.

В камнях сплетались медленные струи,
Звеня копилась в капельки роса,
Рождались тени, длились поцелуи,
Мерещились слова и голоса.

Я слышал, в даях звякали подковы
И воинская плакала труба.
«Да где же это поле Куликово?» —
Звала тревожно девичья мольба.

Ответный голос плыл по глади водной.
Звучал вблизи, уже во мне почти —
«Да что ты, это конных переходов
Считай не больше двадцати пяти».

Сошлись в ночи и годы и разлуки,
Я их не звал, а я их просто знал,
И я был юн и над плечами руки
На берегу в предгрозые разнимал.

И сразу «мессера» над головою,
Трещал прошитый пулями большак,
Гудериана танки под Москвою,
Ростов оставлен, к Волге рвется враг.

Шли эшелоны в зареве багровом.
И где сходились небо и вода,
«Да где же это поле Куликово?» —
Звучало вновь, как в древние года.

И снова две зари передо мною,
Как жизнь назад, над озером горят,
Но уж не мы, а эти юных двое
Сейчас прощанье наше повторят.

Огни причала и огни простора
Сближала даль, как две цепочки звезд.
Сном праведника спал в березах город,
А мне в тревоге смутной не спалось.

В камнях сплетались медленные струи,
Звеня копилась в капельки роса,
Рождались тени, длились поцелуи,
Мерещились слова и голоса.

Казалось, вдруг сейчас раздастся снова,
Плеснет через разлуки и года:
«Да где же это поле Куликово?»
— Там, где сошлись и небо и вода.

СКАЗЫ О ДИОНИСИИ

Рубить в высоту,
как мера и красота скажут.

Из старинной грамоты

С теплохода бросают трап
В синеву, в тишину, в березы,
В пенье птах, в полыханье трав,
Под дожди, облака и звезды.
И взыскующий града народ,
С рюкзаком на плече, с транзистором,
Как десант веселый, берет
На Шексне голубые пристани.
За спиной его в проводах,
В ливнях вздрагивающих неона
Миллионные города,
Космодромы и циклотроны.
За спиною ревущий век
Конференций, джазов, молелен
С дымным прищуром из-под век
Неусыпно в душу нацелен.
Бомбой атомной осенен,
На полотнах разъят на части,
Взвешен, выверен, расщеплен,
Засекречен, распахнут настезь.
Но летит деревянный трап,
И петух, как на крае света,
За густым частоколом трав
Запеваает горласто где-то.
Возникает голос ручья.
И за белой рощей туманной,
Незаемная, вся своя,
Открывается вдруг неожиданно,
Простодушна, пряма, чиста,
Пережившая все на свете
Неразменная красота
Нестареющего бессмертья.

А дорога в Кириллов вьется
От холма долиной к холму,
То вернется, то вбок метнется.
А к чему бы это, к чему?
Ну к чему бы?
Умна дорога.
Гудом ночи уже гудят.
А она — подожди немного...
Холм подкинет — взойди-ка, брат.
Как свеча, как парус крылат —
Вот он рядом, Кириллов град.
Вот он — только сойди с холма.
Ах, дорога, себе — сама!
Видно, был палата ума
Тот мужик, что ее торил.
Он торил ее, как творил,
Силы путнику впрок дарил,
Все поманивал — глянь-ка, брат,
Как свеча, как парус крылат,
Вот он рядом, Кириллов град.

Мастера воздвигали храм
До заката вплоть от рассвета,
И никто не мог мастерам
Ни перечить, ни дать совета.
И никто им был не указ, —
Стены, окна, притворы, двери
Воздвигали они на глаз,
Ну, а глаз — чем его измеришь?
Возникал, означался храм,
Рос, как сосны растут с рожденья,
К небу синему, строг и прям,
Будто в сказке по наущенью.
Прост, как небо, поле, река.
А стоишь, глядишь и глядишь, и...
А всего-то одна строка
Белых кружев камня под крышей.
А всего-то на нем сошлись
Мастера, забываясь в выси,
И кричал им: «Слезайте вниз,
Ну-ка дайте мне!..» — Дионисий.

Дионисий.
Синие выси.
Храм шатровый на берегу.
Он раздвинул его, возвысил
Кистью.
Как — понять не могу.
Разворачивая тряпицу,
Яйца в жестких пальцах лупил,
Обдирал сухую плотицу,
Запивал водой и всходил
На помост. К себе на тесинку
Восходил, как на край небес,
Прижимая с красками кринку
Ко груди,
И глядел через
Стены каменные навывлет.
Широко сияли глаза,
В них озера и грады плыли,
Зори прядали, и гроза,
Травы синие Бородавы...
И он в озеро кисть макал,
А потом он макал в дубравы,
В алых зорь золотой накал.
А налево, да и направо,
Лишь леса в багреце, в дыму.
Было здесь ему не до славы,
А до правды было ему.
Кто давал ему это право,
Кто позволил это ему?
Но взрывались листвой дубравы,
Но всходили до неба травы,
И несли реки свет во тьму.
И глазасты, высоколобы,
Выше сосен, сильнее рек,
Души плотников, землеробов
Словно молнии били в век.
Не унижены, не убоги —
Просветленные люди-боги.
А тесинка под ним качалась,
И сидел он на ней один,
Сокрушенный, и звал, печалась:
— Встань-ко, сын, погляди-ко, сын...

А тесинка под ним плясала,
Словно ярмарка на юру.
— Глянь-ко, женка, — рука писала!
Полюбуйся, а то сотру! —
Дионисий.

Синие выси.

Кисть как факел в его руке,
Изумрудное солнце виснет
В крупной капле на кончике.
Факел?..

Кисти кидал за спину.

Били хряка дымным ножом,
Драли с теплой шкуры щетину
И смывали с нее назем.

Он стоял, бородат и странен,
Закатав рукава. Босой.

Рыжий, будто мирской крестьянин
Над невспаханной полосой...

*

В век космических скоростей,
Кибернетики, и нейлона
И штампованных впрок страстей
Не хватает людям озона.

Люди жаждут, ищут, таращатся,
Широко раскрывают губы.

В океане зеленой ящерицей
Остров всплыл.

Люди ахают — Куба!

Из межзвездного океана
Человек на ракете выплыл,
Но несут по землям и странам
Не ракету — Его улыбку.

В кедах, в алых и голубых
Бедных стеганках из синтетики

Дети атомного столетия
Застывают у стен лесных.

Над стыдливым пожаром лиц,
Как озера, глаза смятенны.

Даль без края и без границ
Открывают пред ними стены.

Молчаливо они стоят,
Дышат свежестью чуда росной.

Дети физиков и солдат,
Разгорающиеся звезды.

Там, где Чудь чудила и Меря,
Где семь верст до небес,
Она
Начиналась не в веке — в вере,
И не в спорах — в сборах.
Со дна
Русь по капле росы сбиралась
И копилась в реки в тиши.
С вольных душ людских начиналась
На борах, на горах, в глуши.
Сталь калила, камни гранила,
На траве белила холсты,
Скатный жемчуг песен хранила.
Начиналась она с высоты,
С той, которую враг ни плетью,
Ни копьем не достал, как звезду.
Начиналась с души
В ответе
Не за скарб, а за красоту.
Ту, что не увязать, да в торок,
И на спину коня, да в орду.
Ту, что не запалить, как город,
Не купить ничем красоту.
Ту, что можно, пожалуй, кистью,
Как жар-птицу, взять на лету.
Не крестьян писал Дионисий,
Не святых писал —
Красоту.
Вот она из камней упрямо
Воздвигается к облакам,
Пусть каменья на стройке храма —
Это камни лишь, а не храм.
Пусть каменья грубы, щербаты,
И в навозе они, и в пыли,
Но из них, как солнце, палаты
На зеленой заре земли.

На траве во дворе дрова,
Горкомхозовские поленницы,
Неба синие острова,

Птиц серебряные колена, и
Сошлись посреди двора
Вместе — атомной эры жители
И безвестные мастера,
Воздвигавшие днесь обители.
Вот сошлись и держат совет.
Одного они роду-племени,
Разных душ во времени нет,
Самого нет на свете времени.
В небе белый ракетный след.
Рев турбин.

А внизу под высями
Льется добрый и чистый свет
Стен, расписанных Дионисием.
Ни ярыг архиерейских нет,
Ни царей, ни владык, ни иноков.
Мастера сошлись на совет
Дела верного и взаимного.
Отделяется свет от тьмы.
Это наше было и будет.
Словно реки, поля, холмы,
Это людям дарили люди.
Льется, льется листва берез
Бело-белых средь дымной сини.
Сколько глаз горит, сколько звезд,
Как похожи они в России.
Дионисий.

Ступаю ввысь
Вместе с теми,
Кто был и будет.
Освещает, как факел, кисть
Путь сквозь время идущим к людям.

Кто был изобретатель колеса?
Никто не знает. Все о нем забыли.
В каком краю, когда он родился?
Ни имени не помним, ни фамилии.
А был изобретатель колеса.
Оно в природе не существовало,
Пока на белый свет не родился
Великий гений, неизвестный малый.
Крыло в природе человек узрел
И рычагов машинных сочлененье,
А он на мир не так, как все, смотрел,
Без подражанья мыслил, без сравненья.
Он смастерил однажды колесо,
И покатилось колесо по свету,
А он свернул, должно быть, сигарету
И сам себе воскликнул: «Хорошо!»
Ревели первобытные леса,
На четырех ногах зверье бежало,
Крылами птицы мяли небеса,
Пока он щепочку жевал устало...
Какие нынче в мире чудеса!
Открытия! Им счета нет повсюду.
Но все его технические чуда
Ни в чем не зачеркнули колеса.

ВТОРОЙ

Дорогу делает не первый,
А тот, кто вслед пуститься смог.
Второй.
Не будь его, наверно,
На свете не было б дорог.
Ему трудней безмерно было —
Он был не гений, не пророк —
Решиться вдруг, собрать все силы,
И встать, и выйти за порог.
Какие в нем взрывались мысли!
И рушились в короткий миг
Устои все привычной жизни.
Он был прекрасен и велик.
Никто не стал, никто не станет
Второго славить никогда.
А он велик, как безымянен,
Он — хаты, села, города!
И первый лишь второго ради
Мог все снести, мог пасть в пути,
Чтоб только тот поднялся сзади,
Второй, чтобы за ним идти.
Я сам видал, как над снегами,
Когда глаза поднять невмочь,
Солдат вставал перед полками
И делал шаг тяжелый в ночь.
В настильной вьюге пулемета
Он взгляд кидал назад: «За мной!»
Второй поднялся.
Значит, рота —
И вся Россия за спиной.
Я во второго больше верю.
Я первых чту. Но лишь второй
Решает в мире — а не первый, —
Ни бог, ни царь и не герой.

И Русь не та, и русские не те...
Не та, конечно,
Ну, а те чем плохи?
Те, что не те и, видно, в простоте
Перевернули ход самой эпохи.
Те, что воткнули в землю враз штыки —
Конец войне!
И в десять дней, не боле,
Земные потрясли материки.
Материки земные,
А не поле.
Дворцы построить можно до небес
И возродить сады Семирамиды, —
Да мало ль натворить каких чудес,
Каких и мир в глаза еще не видел.
Но ими вряд ли увлечешь когда
Пойти вослед так, как идут народы
По всей земле с семнадцатого года,
С тех пор когда зажглась Руси звезда.
Вот, говорят, была отсталой Русь.
А не она ли родина Свободы.
Я навсегда с той Русью остаюсь,
С вершинами семнадцатого года.
Такого взлета духа, и ума,
И мужества история не знала.
Она взяла за образец сама
Рожденные той Русью идеалы.

А кто такой Бартоломей Диас?
 Что слышали вы нынче о Диасе?
 И почему Диас дошел до нас,
 Чем он прославился — вопрос не ясен.
 Он Африку когда-то обогнул,
 Впервые обогнул ее по морю.
 Сто раз тонул, но гнул ее и гнул.
 И обогнул, навек войдя в историю.
 А кто такой Бартоломей Диас?
 Я спрашивал, мне люди не ответили.
 Одни сказали — он испанец, раз
 Фамилия Диас.
 Да, тьма на свете их.
 Другие заявили — футболист.
 Зачем тебе он? — вопрошали третьи.
 Плыл в пене волн и солнц зеленый мыс.
 Рвал ветер паруса в пятнадцатом столетье,
 Жгла соль огнем бессонные глаза.
 Как мир велик! — ни тронов в нем,
ни клира.

Под килем и над мачтами гроза,
 И солнце прогибает крышу мира,
 А в стольном Лиссабоне день за днем
 В порту взлетали флаги на флагштоках,
 Гремели сходни, но никто о нем
 Не вспоминал, не знал о нем, и только
 Шальная девка, все забыв с тоски,
 Обласканная как-то ненароком,
 Не забывала жарких две руки
 И знала, кто такой Диас, до срока
 А он о ней забыл в тот самый час,
 Когда вернулся, королем обласкан,
 И Лиссабон: «Да здравствует Диас!» —
 Гремел, судьбе завидуя прекрасной.

. . . . .

Прошли века, сегодня мир гремит.
От маршей тесно рациям в эфире,
Волна восторга в радугах звенит,
Неслыханное совершилось в мире.
Мир шире стал, чем был, для всех для нас.
...А кто такой Бартоломей Диас?

ИСТОРИЯ

История. Скрипя пером гусиным,
Не небеса, так тишь благодаря,
Как лунь, над ней склонялся некий инок,
Ее в тиши кириллицей творя.
Все будет так, как он ее напишет,
Деяния царя Руси всея,
А под полом скребутся где-то мыши,
Скорбит душа, хоть в пятках, да своя.
И может, только в строчке или в слове,
Средь подвигов, свершений и щедрот,
Она нальется в черных буквах кровью
И солью пота издали блеснет.
История. О давнем, незабвенном,
Трещит от споров некий храм наук.
Но вот она, как молния, мгновенно
Сверкнет, идущий день осветит вдруг.
И ход времен движенье обретает,
Как бы непостижимо для ума,
И истина горит, и воск не тает,
И говорит история сама.

Я много слышу о народе:
Народ могуч, велик народ.
То он умен и благороден,
То он чего-то не поймет.
«Народу этого не надо,
Народ пока что не дорос...»
А он воздвиг атомограды
И головой коснулся звезд.
К его ногам короны пали,
И в звездный час свой, в грозный год
Он нам открыл такие дали,
Что кругом голова идет.
Должно быть, он великий гений,
Но даже гениев народ —
Мой Пушкин, мой Толстой, мой Ленин —
Как сыновей в веках зовет.
И все ж летит из ближней дали,
Под скрип истории колес,
Звон двух сторон одной медали —
«Народ пока что не дорос».
Трещит башка от размышлений,
Так что же все-таки народ?
Кто он, младенец или гений,
Гигант или наоборот?
А он иной заботой занят,
Давно, решительно, всерьез,
И в Казахстане, и в Рязани,
И где-то там уже, у звезд.

Как трудно делалась история.
Ее ни вождь, ни царь, ни бог,
Полна история которыми,
Построить бы один не мог.
С огнем, с железом дело спорилось.
Рабочие в цехах стальных
Бесстрашно делали историю,
Не покладая рук своих.
Крестьяне делали историю.
Как солон пот, крестьянский пот.
Хлеба растили, избы строили.
В счастливый год и в недород.
Солдаты делали историю.
Не сладкий труд, солдатский труд.
Они вставали и не спорили,
И шли туда, куда пошлют.
Она и солон и дóрога.
И в годы трудные народ
В ней силы черпает, в истории,
И в счастье до небес встает.
Она и без прикрас великая,
И из нее во все года
Нельзя, как в песне, слова выкинуть —
История одна всегда.

Далекое становится все ближе,
Уже Луна — и та доступна нам.
Наука движется вперед и движет
Весь мир навстречу новым временам,
Когда близки любые станут дали
И суть вещей сокрытая ясна.
Но как измерить радость и печали,
Ее вершины и глубины дна.
Но как приблизить, одержав победу
Над бездной, разделяющей собой
Далекий, как созвездье Андромеды,
Мир человеческой души иной?
Расчеты — чушь! И формул тоже нету.
Есть лишь Гомер, Толстой, Бетховен, Дант —
Искусства гениальные ракеты
И новые Ромео и Джульетта —
Любви соединяющий талант.
Они одни ничем не заменимы,
Без них на свете через все года
Немыслимы и неосуществимы
Гармония и счастье никогда.

Я верю в бога, но не с бородой,
Сидящего на облаке высоком,
Бог — он и старый, он и молодой.
Со мной живет он рядом и далеко.
С шести утра он пьет на кухне чай,
Закуривает жадно сигарету.
Его везет грохочущий трамвай
За три копейки через всю планету
На свой завод, на шахту и в гараж, —
Да мало ли, куда там надо богу,
Ведь без него день не начнется наш,
И в самом деле — мир не до порога.
А он себя считает, как всегда,
Бетонщиком, механиком, шахтером.
Какой там бог! Идет наверх руда,
Струится стружка и режут моторы.
Но все на свете создано трудом.
Он сдвинул горы, он попятил реки.
И в переносном смысле и в прямом
Он бог в двадцатом громоносном веке.

ОДА ДУРАКУ

Я не знаю, почему и как
Снова древним сквозняком подуло:
Эгоист — так, значит, не дурак,
Даже у него губа не дура.
Вновь звучит: «Ищите дураков!»
Только нет на дурака науки
Ныне, присно, испокон веков
И от дедов к сыновьям во внуки.
Дураков не сеют и не жнут,
Сами дураки на свет рождаются
И, как мера древняя и жмудь,
Начинаются и не кончаются.
Не перевелись и на Руси.
Есть. Живут. Она без них немыслима
Со своими верстами веси
И заоблачными всеми высями.
Славлю, прославляю дурака
Так, как сказка славила и присказка.
Без него немыслимы века
Давние и будущие близкие.
Он бессмертной думою богат,
От нее до смерти не откажется,
Пусть при этом сам себе не рад
И порою свет с овчинку кажется,
Для него не пишется закон, —
Эту дурь из дурака не вышибешь.
Он — дурак и лезет на рожон,
Если б мог, то лез еще повыше бы.
Я и сам такой — из дураков,
Жизнь меня еще не переделала
И лупила зря со всех боков
Так, что я не видел света белого.
День встает. Дорога далека.
Кто ее без нас на свете высветлит?
Славлю, прославляю дурака —
Так, как сказка славила и присказка.

Куда уходят годы? Ну куда?
Стекают, как в резервуар вода, —
Уходят, как на переплав руда?
Куда уходят годы, ну куда?
Куда ушел вот тот, такой уж год,
Который долго ждали наперед,
С таким терпеньем, как никто не ждет, —
Аж пуп трещал; а где теперь тот год?
Куда девался год — и не найти, —
Который мы смогли перенести —
Едва-едва несли, хрипя, кляня...
Теперь ни камня от него, ни дня.
Наверно, где-то копятся года,
Как под землю копится руда,
Или как шлак сгоревший навсегда,
Иль в небеса восходят, как вода, —
Восходят паром, дымом, а потом
Плывут над миром, словно облака
Прекрасные, все в золоте бока,
Воздушные, как музыка райка,
И мир на них глядит с открытым ртом.

Я стану облаком, зарей,
Щепоткою песка и глины,
Травинок на ветру игрой,
Сверкающим полетом льдинок.
Что в мире через тыщу лет
Изменится, вы мне скажите?
Иначе станет литься свет
Небес на крыши новых жилиществ?
Ослабнет соль в морях и синь?
Вино изменится в стакане?
Иною стынь и жар пустынь
Иным и незнакомым станет?
Иль предок мой, кентавр степной,
Не те же звезды видел в реках,
И шмель над ним кружился в зной
Иной, из каменного века?
И женщина иной была?
И женщина иною будет?
Нет! И все той же будет мгла,
В которую уходят люди.

ПЕСНЯ О МАМОНТЕ

Вымирали мамонты на свете,
Рыжие, огромные, в шерсти,
И на всей земле, на всей планете
Было некому по ним грустить.

Их никто не ел, никто не трогал их,
Шерсть не стриг с них — зря она росла.
Бивнями тяжелыми дорога их
Сквозь века проложена была.

Были мамонты венцом творения,
Сущего в то время на земли,
Сильные и добрые, как гении,
Только выжить все же не смогли.

То ли изменились вдруг условия,
То ли жить мешала им среда,
Только стала им земля надгробием:
Горы, доли, небо и вода.

Наступило некое столетие —
Полегла царей природы рать.
Каково ж в нем одному, последнему,
Было жить? Не то что умирать!

Тучи шли косматые над чащами,
И, оставшись на земле один,
Их приняв за братьев уходящих,
Затрубил косматый исполин.

Над лесами древними, дремучими
Рокотала скорбная труба.
Тучам что! Они ведь были тучами,
Их не трогала его судьба.

Только эхо в дальних далях дрогнуло,
Из-под ног рванулся зверь в кусты,
Замерли цветы четверорогие, —
Огляделся мамонт с высоты.

Жизнь вокруг вершилась непонятная:
Волки, лисы, тигры, барсуки
Жаркими в лесах мелькали пятнами
И друг друга рвали на куски.

И тогда за тучами бегучими,
Бросив благодатные края,
Он пошел живой шерстнатой тучею,
Чтоб не видеть сущего зверья.

Он пошел от них в пустыню белую,
Как в изгнание, за Полярный круг,
Ничего не прыгало, не бегало
И не мельтешило там вокруг.

Шел, питался вереском и ветками
И дошел до тех равнин вдали,
Только силы стали очень ветхими.
В сон клонило. Был здесь край земли.

Океан гремел пустыми волнами,
Солнца шар не мог подняться ввысь,
Падал снег, как белое безмолвие,
Уходила из-под сердца жизнь.

Лег он, к небу выставив точеные
Бивни, не бывавшие в бою...
...Через сто веков его ученые
Так и отыскиали в том краю.

Говорят, что, сытые и рослые,
Живы братья мамонтов — слоны.
Только мне бывает жалко до смерти
Мамонтов
Средь белой тишины...

ПТИЦА СИРИН

На клочке пергаментных забот
Я прочел значки полуустава —
Птица Сири́н в уши там поет...
И тревожно мне донельзя стало.

Птица Сири́н в уши там поет...
Голосом далеких и любимых...
Посреди гиперборейских вод
Скалы, как ножи, встают над ними.

Птица Сири́н в уши там поет
Голосом далеких и любимых...
На пять тысяч верст зеленый лед,
Солнца шар над ним в шерсти и дыме.

Птица Сири́н в уши там поет
Голосом далеких и любимых...
Красный Марс во весь обзор встает
Со своими лунами пустыми.

Птица Сири́н в уши там поет...
Гаснет парус, замерзают ноги.
Дюзы разрывают звездолет —
Птица Сири́н встала на дороге.

В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

1

По всем морям, материкам и кручам
Истории грохочет колесо —
С тяжелым хрястом, с яростью могучей —
От прадедов к сынам стезей отцов.

А я брожу по странам, где давно
Все по местам расставлено, по полкам,
Оценено, в реестры внесено,
И новых не предвидится осколков.

Здесь позабыли все про колесо.
Гигантский обод на незримых спицах
Ничто не крутит. Времени лицо
Бесстрашием и скукою томится.

И колесо колышется, скрипя,
Само собой не трогаясь ни с места...
Спят в громе города, музеи спят,
Европа с сигареткой дремлет в креслах.

Что ей еще? Европа кофе пьет,
Все позади — чума и баррикады,
Концлагери, вожди, война, народ,
Грядущее... Ей ничего не надо.

Немнущийся терленковый пиджак,
Дымок над хрупкой чашечкою гнется,
И в рюмке, как янтарь, дрожит коньяк...
...Что будет, если колесо качнется?!

По случаю побед на той войне
 Читают лекции пенсионеры.
 Воспоминанья, словно символ веры,
 Витают и восходят в тишине.

А за углом мальчишки пляшут твист.
 Транзисторы на шеях, как планшеты.
 Мир ходуном кидает вверх и вниз,
 И места в нем для героизма нету.

Кому какое дело до войны,
 Которая была до них когда-то.
 Ракеты на весь свет наведены,
 И врут о вечном мире дипломаты.

Мальчишки за углом танцуют твист,
 Трассируют на камни сигареты.
 Согни колени, вскинься, наклонись —
 Качается, как тамбур, вся планета.

А памятники в розовом дыму
 Плывут среди каштанов, как виденья, —
 Подобных никогда и никому
 Не будут ставить в новых поколениях.

Воспоминаний пенсионный свет
 Не оживит легенд в забытом храме.
 Свистят подошвы узкие штиблет,
 И холодно в жару под свитерами.

ХА ЛОНГ

Всю землю ночь опустошила.
Гляжу — нет ничего в окне,
Залива черные чернила,
Да звуки в тишине,
Да запахи цветов у моря.
Залив Ха Лонг —
Слова звучат как гонг.
Я лампу потушил, и поднял штору,
И говорю: «Ха Лонг, ты здесь, Ха Лонг?»
На краешке материка на самом
Вдаль руку протяну — и нету там
Европы с Азией, за белой рамой,
А есть Ха Лонг —
Вступление к морям.
Есть лишь Ха Лонг,
Неведомого знак он,
Невиданного символ и печать.
Я ничего не вижу, но, однако,
Он здесь — рукой подать.
Ха Лонг...

РАКОВИНА ЗАЛИВА ХА ЛОНГ

Медлительный и молчаливый
Рыбак поднес ее к губам,
Как белый рог, и над заливом
Запел, зарокотал Вьетнам.
Призывный звук, тревожный звук,
Летающий к небу, к солнцу, к скалам.
— Возьми ее на память, друг,
И звук возьми с собой, — сказал он.
Плясала джонка на волне,
Звенел в заплатах парус рыжий,
Ворчал прибой на пляжах ближних,
И пели птицы в душу мне.
И незнакомые деревья,
Как ливни, рокоты несли,
И били в барабан деревни,
И в слюдяных полях вдали
Вздыхали буйволы на межах
Огромные, как валуны.
И ветер белых побережий
Нес всплески бурь и тишины.
Я все увез в Россию в ней,
Закрученной на совесть круто,
Облитой жарким перламутром
Больших тропических морей.
И только к уху подниму,
Неутихающий упрямый
Я слышу дальний гул Вьетнама
В России у себя в дому.

СТИХИ О ДАЛЬНОЙ ДОРОГЕ

Ноги пухли от полета,
Огибал я шар земной,
Ангелы аэрофлота
Наклонялись надо мной.
Предлагали мне тянучки,
Водку, ножку петуха.
В небе не было ни тучки,
Расстоянья — чепуха.
Вся земля внизу качалась,
Никаких на ней границ,
И сидел я без печали,
Глядя в небе сверху вниз.
Как господь глядел с престола
Или как Иван-дурак,
Начиная с полшестого
Утра, скинувшего мрак.
Города внизу лежали,
Реки струйками текли,
Люди там внизу сражались,
Строили, хлеба пекли.
Сочиняли триолеты
Без зазренья на друзей.
Но пустой была планета
Сверху, словно бы музей.
Глиняная, будто черный
Старый в трещинах горшок,
Ни души на ней, к прискорбью,
Сверху я узреть не мог.
Были только очертанья
Их труда за все века.
Городов и пашен в плане,
Видимом издалика.
Остальное затерялось,
Измельчало, словно мышь, —
Что большим внизу казалось.

Сверху и не разглядишь.
Ни дворцов, ни монументов,
Только пашни и сады,
Да дорог прямые ленты,
Да плотины у воды.
Думал я, вернусь и буду
После этой высоты
Философски, словно будда,
К мелочам земной тщеты
Относиться после этой
Траектории в выси,
Охватившей полпланеты
Лайнером на небеси.
Но сосед, храпевший сбоку,
В бок толкнул меня локтем.
Ангел флота синеокий
Вдруг назвал меня отцом.
Он зевнул, взглянул со скукой.
Как в трамвае, на меня,
И поблек небесный купол,
Синий в середине дня...

ДВА МОНОЛОГА

1

Нет расстоянья, нет пространства,
И городов далеких нет.
Нет гор, морей и ветра странствий,
Есть стюардесса в цвете лет.
Есть аэрон, бетон, динамик,
Орущий джазом в вашу честь,
Трап на пневматике. Грозами
Ночь потрясенная окрест.
Век, ты устроился неплохо
И позабыл, что час назад
Была перекладных эпоха,
Карет, фрегатов и баллад.
В цветной бетон и сталь закован,
Неоном ледяным омыт,
Исчислен, взвешен, зашифрован,
И крайне замкнут, и открыт.
Мой брат, мой враг, мой собеседник,
Над пластиковым столом
И чашечкой «эспрессо» бледным,
В часу неведомо каком.
В глуши неведомой вокзальной,
Откуда все рукой подать:
Березы, ледники и пальмы, —
Что хочешь ты еще сказать?
И знаки мудрости газетной
Восходят над твоим лицом
С похожею на сказку сплетней,
Как за щекою с леденцом.
А синие глаза пустынный,
И прядь сиреневых волос,
Как дым весны и Хиросимы,
Ответ рождает и вопрос.
Век, я хочу с тобою спорить
О смысле злобы и добра,

Дышать зеленой солью моря,
Пить спирт из фляги у костра
И быть еще сентиментальным,
Как в дни фрегатов и карет,
Медлительным необычайно
Средь молний, стюардесс, ракет.

2

Чужие старые столицы
В рекламных ливнях слюдяных
Я вспоминаю, словно лица,
Пытаясь разобраться в них.
Стеклом, бетоном, сталью, светом
Разрублен ночи мрак и смят.
Зимой, весной, в разгаре лета
Они сверкают и горят.
Но есть в их праздничности броской
Тревога знобкая и грусть,
Которую понять не просто,
Но есть которая, как груз.
А в чем она — не скажешь сразу:
В девчонках юных на углах
Иль в блеске бешеном показа
В самом уже запрятан страх?
А может быть, все это вкуче
Заклучено в том и другом?
Забудут, не наймут, не купят,
Или поверят, но с трудом?
Гремят, ликуют и хохочут,
Надменны, праведны, грешны
И на исходе жаркой ночи
Сосредоточенно грустны
Чужие старые столицы
У синих рек и белых льдин,
Большие памятные лица
Держав, столетий и равнин.

В каменной, стальной глуши,
В аэропортах столичных
Кофе по ночам глушил,
Сигареты жег привычно.

Всюду с ревом города
На земле зимой и летом
Низвергались в никуда,
Словно водопады света.

Не было ни зим, ни лет,
Были тропики и холод,
Снег и пальмы. Белый свет
Мчался, как волчок веселый.

Но однажды на краю
Взлетной полосы, на лашне
Вдруг припомнил жизнь свою
Разом всю, как день вчерашний.

Вспомнил выжженный кювет,
Клок земли, в атаке взятый,
Весь как целый белый свет
Неохватный, непонятный.

Вспомнил молодость свою,
Как горящую ракету
В том бою, году, краю,
И ушел и сдал билеты.

Ты в жизни жег хоть раз мосты
 В своей,
 Как жгут мосты саперы,
 Настилы руша с высоты
 И за рекой оставив город.
 Он бел. Над ним плывут сады,
 Сверкают шпили колоколен,
 Но сожжены к нему мосты,
 И надо уходить по полю.
 И лучше не глядеть назад.
 Там над безгрешною рекою
 Мосты горят, мосты горят —
 Твоею зажжены рукою.
 Ты в жизни жег хоть раз мосты?
 Вот так, а может быть, иначе?
 На пламя глядя с высоты,
 Сто раз оборотившись, плача.
 Саперам что! Они пройдут
 Огонь и дым, но час настанет, —
 Мосты саперы возведут,
 И город вновь в их лица глянет.
 А в жизни жгут мосты навек,
 И в прошлое возврата нету,
 В тот город за разливом рек,
 Где мост горит в разгаре лета.

Давно всему известно свету,
И это не его вина, —
Непогрешимых истин нету.
Но, может быть, права одна:

Стирает время в пыль державы,
И гордая стареет новь,
Бессмертная проходит слава
Легко, как дым.
И лишь любовь

Летит поверх барьеров Рима,
Сквозь все века и времена —
Добра, безжалостна, гонима,
Беспомощна, как смерть сильна.

Уходит женщина. Уходит,
Как солнце с неба, как река
За горизонт по шатким сходям
Травы, кувшинок, тростника.
Уходит женщина так просто.
Без слов, без слез, без жалоб прочь,
Как в океане синий остров,
Как день уходит и как ночь, —
Естественно, обычно, вечно
Уходит женщина. Не тронь.
Так, уходя, идет навстречу
Кому-то ветер и огонь.
Как ливень с тысячей мелодий
Из поля в новые поля,
Уходит женщина. Уходят
И гаснут следом тополя.
Уходит женщина. Ни злоба,
Ни просьбы непонятны ей,
И задержать ее не пробуй,
Остановить ее не смей.
Молить напрасно, звать напрасно.
Бежать за ней — напрасный труд...
Уходит — и ее, как праздник,
Уже, наверно, где-то ждут.

ГЛАЗА

В них не проплывают облака,
Птицы в них не пролетают стаяй,
Но летит дорога далека,
Неизменно в грусть перерастая.

Не смотрю, не думаю, молчу,
Забывать старательно стараюсь
И по ней стремительно лечу,
Все лечу, не достигая края.

А куда несет она, куда?
Что там, в этих всплесках тьмы и света?
Сквозь года, в года, через года
Нету ни ответа, ни привета.

В грохоте ракетных переправ,
В реве далее железобетонных
Тише тихих полуночных трав
Сердце бьется — грозно, озаренно.

Может, шар земной пересеку
По широтам весь и по долготам,
А дорогу эту не смогу
Ни на шаг пройти, ни на йоту.

Зыблются, синяя, небеса,
Тень ресниц, скользя, идет по склону,
И глядят, глядят на мир глаза,
Сожалая, грустно, отчужденно.

В них не проплывают облака,
Нет ни птиц, ни парусов,
Сквозная
Вдаль летит дорога далека —
Ни конца, ни края ей не знаю...

В АВТОБУСЕ

Косматый, рыжий, словно солнце, я
Оптимистичен до конца.
Душа моя — огнепоклонница,
Язычница из-под венца.
Чем дело кончилось с татарами?
Как мартом сарафан белен!
Вдрызг реактивными фанфарами
Исполосован небосклон.
Летят дюралевые капли
По небу синему, свистя.
Не так ли хлынет вниз, не так ли
Ливнь реактивного дождя?
Но вальсы, вальсы, только вальсы,
Кружа, в динамике дрожат.
Белеют на баранке пальцы,
Темнеет у шофера взгляд.
Весь голубой, как будто глобус,
В никелированной росе
Летит размашистый автобус
По пригородному шоссе.
Он в солнце, в первых лужах, в глине...
Творится на земле весна,
Как при Микуле и Добрыне,
Как при Владимире, красна.
И Лель сидит на косогоре
С кленовой дудочкой в зубах,
И витязи торчат в дозоре,
Щитами заслепясь в лучах.
Мосты над реками толпятся,
В бензинном дыме провода...
И ничего не может статья
С весной и Русью никогда.

Весна, а что она такое?
Летят сквозь дали журавли,
Летят сквозь дни деревья стоя,
И травы снова вверх пошли.
Все рушится, что было свято,
Незыблемо в снегах зимы,
В пару и дыме лиловатом,
В лохмотьях обветшалых тьмы.
Вот землю небом раскололи
Ручьи и реки на куски,
В оградах оживают кольца,
И на камнях встают ростки.
Творится новая планета
У всех бесстрашно на глазах
Из глины, воздуха и света,
В навозной жиже и цветах.
Дождей мгновенных колыханье,
Ветров свистящие столбы,
Громов далеких грохотанье
И придыхание трубы.
Из пепла, глины и навоза
Встает, рождается, чиста
Как ландыши и туберозы,
Неслыханная красота.

Меня страшат аэродромы,
Когда в ненастные часы
Вдруг станет шаг земной огромным
За краем взлетной полосы.
Дюраля мир и плексигласа,
Мир современных скоростей
Дряхлеет вдруг мгновенно, разом
И слухов ждет, как ждут вестей.
Становятся горами горы,
Моря — морями, лесом — лес
Под грозным заревом просторов
Пустых эпических небес.
Ангары, башни и экраны,
И фюзеляжи в серебре,
Как свалка крашенных жестянок
За городом на пустыре.
И у буфетной стойки длинной
Под скучный музыкальный гром
Сжимают в кулаках мужчины
Безмолвно стопки с коньяком.
Как хрупок все еще бетонный,
Стальной и электронный свет
Пред тем, живым, одушевленным,
Бушующим миллионы лет.
Одно неверное движение —
И брызнет тонкое стекло,
И вот уж снегом с тихой ленью
Его случайно замело...

Ракетами, как луг ракетами,
Стал ныне шар земной богат.
На всех материках раскиданы,
Ракеты пьют и хлеб едят.

Живется им неплохо. В наледи
Свои вздымают острия —
Континентальные, глобальные,
«Земля — зенит», «земля—земля».

На них работают, не ленятся
Три миллиарда на земле,
И засекреченные гении
Ракетам служат в их числе.

Ракетам всё — шоссе бетонные,
Дворцы в глубинах недр земли.
Луга, леса, поля зеленые,
И глуби вод, и корабли.

Их фотографии красуются
На первых полосах газет,
И дипломатами трактуется
С трибун земли язык ракет.

Тяжел от стронция и радия,
Летит на землю дождь и снег...
Так непонятно в веке ядерном
Выходит к звездам человек.

Хотел бы я волшебным даром
Пройти через заставы лет,
В Совет Народных Комиссаров —
Державы первый кабинет.

Не как любитель заседаний,
С особым чувством чущий власть,
А как на первое свиданье
Хотел бы я туда попасть.

В Москву пылающего года,
В одну из тех Кремля палат,
Где часовыми возле входа
Ее рабочие стоят.

Из исторических просторов
Вошел бы я, незрим для глаз,
Как та уверенность, с которой
Там думают они о нас.

Там обжигающих декретов
Слова бессмертные слышны,
Как будто пишут гимн поэты,
Походный гимн для всей страны.

Ее железные наркомы —
Сыны завода и села —
В лицо потомкам лишь знакомы,
Вершат державные дела.

Распределяют соль и воблу
И, не желая временить,
Планируют, как Дон и Волгу
Каналами соединить.

Страна в разрухе и блокаде,
Четырнадцать держав кругом,
В Москве осталось хлеба на день,
И молод первый Сознарком.

Я старше сам из них любого,
Я знаю, как пойдет их жизнь...
Но я хотел бы там любовью,
Теплом и верой запастись.

Я вижу Ленина портреты:
Вот говорит с трибуны он,
А вот над полосой газеты
Один в раздумье погружен.

Но чем все дальше время мчится,
С собою унося года,
Все чаще вглядываюсь в лица
Тех, кто с ним рядом был тогда.

На площади в толпе бурливой
Рукою машет он кому
И улыбается, счастливый, —
Наверно, другу своему.

Во всех решительных сраженьях,
В года свершений и тревог
Был не один товарищ Ленин.
Что он один бы сделать мог?

Еще в симбирской снежной дали,
Считая долгой ссылки дни,
Своим товарищем назвали
Впервые Ленина они.

На них рассчитывая твердо,
Он начинал за правду бой.
Была у Ленина когорта
Сынов России огневой.

Наркомы — им едва за тридцать,
Без орденов и седины —
Ушли.
Но ими те страницы
Истории освещены.

На времени святом и грозном
Не лампионов и ракет —
Буденовок их краснозвездных
И душ бессмертных плещет свет.

Недаром до сих пор, недаром
В движенье армии труда
На всех материках пожаром
Вдруг вспыхивают их года.

А Ленин знал их поименно
И счастлив был среди тревог,
В своих товарищей влюбленный,
Тем, что он не был одинок.

Меня раздумья одолели,
Как будто старость старика:
Одни, одетые в шинели,
Идут ко мне издалека,
Другие, близкие, как тучи,
Как облака, ползут на лоб,
Темны, светлы, тяжки, летучи,
Неся прохладу и потоп.
Хлебаю щи — они клубятся
Над мискою, как синий пар,
И, с ложки капая, дробятся,
Как звезды медные, в навар.
Хожу в раздумьях, как в одеждах,
Мне трудно в них, без них нельзя.
Я с ними злой, угрюмый, нежный
Стал
И придирчивый к друзьям.
Я не могу без них и с ними...
Вот день ступает за межу.
Встаю с раздумьями своими
И на дорогу выхожу...

Всю жизнь куда-то далеко спеша,
Я близкого чего-то стал бояться.
Вдруг оказалось — у меня душа,
И с нею надо, видимо, считаться.

Она не то что вымысел какой
Пиитов девятнадцатого века, —
Душа болит! Что делать мне с душой?
Неправда! Ей что делать с человеком?

Что делать ей, мифической, со мной?
Я семьдесят четыре килограмма,
Член профсоюза. Праведник земной.
А лгу и трушу только в крайнем самом...

Но взбунтовалась бедная душа,
Та самая, что еле-еле в теле,
И двинулась, все ложное круша,
Ко мне. Она другой не знает цели.

Меня она за шиворот взяла,
Тряхнула и поставила на ноги.
«Иди, будь тверд, верши свои дела
И знай: горшки из глины лепят боги.

Ты — бог, ты добр, ты храбр, и я с тобой,
Лепи горшки. Не предавайся лени,
И принимай неотвратимый бой,
И подымай упавших с четверенек.

Бессмертна я...»
Я подчинился ей,
Она — душа.

Считаться с нею надо,
И забывать о бренности своей,
И, кроме жизни, не искать награды..

Человеку очень много надо.
Он не зверь, не птица, не комар.
Но не меда и не шоколада,
И не обуви пятнадцать пар.
Почему бы это, отчего бы?
Он умен, как дьявол, и хитер.
Отдавал и шоколад и обувь.
Плаху выбирал он и костер.
Он да свет. На глиняной планете
Больше ничего, пожалуй, нет.
Хочет очень многого на свете
Человек уже две тыщи лет.
Он один да святотатства пламень
Освещают путь в кромешной мгле
Над материками и веками,
На его единственной земле.

И я когда-нибудь, однажды,
Вдруг уподобясь кораблю,
Земли космическую жажду,
Как из стакана, утолю.
Уйдут серебряные рощи,
Дороги, реки, города.
Как на стекле морозном росчерк,
Мой след истает без следа.
Открыта сторона любая
Сиянью жесткому огней,
Земля печально-голубая,
И небо черное над ней.
Края безмолвия и мрака,
И только слышно в вышине,
Как лает на земле собака
Далеко где-то при луне.
И дождь стучит по ржавым листьям
Цветов железных, словно гвоздь,
Там, где солдатским обелиском
Белеет в мгле земная ось.

А с вами не бывает так?
По вечерам, перед закатом,
Ты застываешь просто так,
Не грустью — мыслью вдруг объятый.
Здесь край земли. Вот край зари,
Рукою можно дотянуться,
Как сигарету прикурить,
Как шаг шагнуть — и не вернуться.
Лес да заря. А за спиной
Все, что словами не опишешь, —
Дорог тяжелый гром земной
И городов несчетных крыши.
Все позади. А здесь вот край.
Край неба, леса край и поля.
Оглядывайся. Выбирай.
Но ничего не будет боле
Новей того, что позади.
А хочешь, все начни сначала,
Пока не встанет впереди
Край неба алый...

ТВОЯ СУДЬБА

Какие будут времена?
Пройдут и канут наши годы,
Но ты останешься, страна,
Как откровение народа.
Какие там взойдут хлеба?
Какие выстроят строенья?
Но будет в них твоя судьба
Судом всего и озареньем.
Какою мерою еще
Придут события и числа?
Но солнце над твоим плечом
Пребудет золотым и чистым.
Да, было так, что клином свет.
А как там быть могло иначе?
Не перестлать дорог и лет,
Ни слова не переиначить.
Но есть один завет, зарок,
Закон — как их не обозначьте —
Смотреть вперед и думать впрок
О будущем, а не иначе.
И опыт нажитый беречь.
Весь, до былинки, до крупичицы...
Все чутче вслушиваюсь в речь.
Все четче вглядываюсь в лица.

Что в мире слаще истин прописных?
Вы приглядитесь, убедитесь сами,
Как их жуют, разжевывают их,
Аж треск стоит по свету за ушами.
Я тоже от других не отстаю,
Как булочку поджаристую с хрустом
Разламываю, в рот сую, жую.
А вкусно ли? Да, чтоб ей было пусто, —
Преснятина. А в чем же соль была?
Известно всем, что дважды два — четыре,
Но первому, кто это вывел в мире,
Какая радость разум обожгла?!
Ее встречали не в колокола.
Вы вспомните хотя бы про картошку:
Губернии пороли в шомпола,
Но все-таки внедрили понемножку.
Живем не тужим, истины жуем.
Но чтобы соль не пропадала в мире,
Тут надо хоть однажды на своем
Встать, настоять, что дважды два — четыре...

В книгу судеб не внесена,
Летописцами не отмечена
Мать, невеста или жена,
А в сказаньях и песнях — женщина.
Бьют ее за то, что мягка,
Что добра, что глаза как блюдца,
Но она одна на века
Государства и революции.
Не звезда горит, не свеча —
Очи вздрагивают, опущены,
И младенец спит у плеча —
Мать Ульянова, няня Пушкина,
Как рука с ним сопряжена,
Нет на свете дороже бремени,
Вот несет его в мир она
В бури века и грозы времени.
Страху нет и безверья нет,
Проливается сквозь метели
Милосердия горний свет
Над землей, как над колыбелью.

ИКАР И ДЕДАЛ

Это было, считают,
Еще до Христова рождения даже.
С ног сшибая щитами,
Пробилась к упавшему стража.
Там, где люди в карьерах
Валились и мерли, как падаль,
Где никто еще с верой
В свободу не падал.
Распластались рабы на камнях
Со страху сначала,
Когда в небе весеннем
Икар появился с Дедалом.
Молодой появился Икар
И крылатый.
Солнца бронзовый шар
Головой закрывая кудлатой.
Всем лежащим у скал,
Как сардины на блюде,
Сверху он прокричал —
Встаньте люди!
Но крыло подвернулось
Под солнечным бризом,
Но земля покачнулась
И ринулась снизу.
Кровь смешалась с песком,
Закружились какие-то перья
Он был всем им знаком,
Каждый в крылья поверил.
Не египетский бог возле скал
На земле распроклятой,
Раб. Фракиец. Икар
Умирал человеком крылатым.
Мысль пронзила навек
Даже ту оробеашую стражу.

— Сможет все человек,
Стань крылатым однажды...
А Дедал?
Что Дедал?
Улетел. О Дедале забыли:
Ведь никто не видал,
Да, никто не видал
Его крылья...

Доколе терпеть сии муки?
 До самые смерти, Марковна.
 Ино побредем еще...

Протопоп Авакум

Ах, этот протопоп опальный,
 Фанатик, еретик, крикун,
 Известный на Руси скандально, —
 Ну да, конечно, Авакум.
 Чего достиг он обличеньем
 И потрясением основ,
 Путем бессмысленных речений
 При помощи никчемных слов?
 И нищ и наг, гоним по свету,
 Взывая к совести, ну в ком
 Он пробудил ее при этом
 У тех, кто был его врагом?
 И кто раскаивался в мерзкой
 Лжи? Ну хотя б на краткий миг,
 Когда он в яме в Пустозерске
 Костями костил земных владык.
 И нет иных, и те далече.
 Но что бы стало, если б вдруг
 Они его прониклись речью
 И все покаялись вокруг?
 Случись такое, словно в сказке,
 В какой лишь правда и права,
 Давно пропали б без огласки,
 Как без нужды его слова.
 А так из уст в уста и книги
 Всё будут, ложь пока жива,
 Грохочущие, как вериги,
 Звучать скандальные слова.
 И даже эти с тихой болью,
 Но несравнимые ни с чем
 «Терпеть мучения доколе?»
 И «Ино побредем еще...»

Весь шар земной устал от той политики,
С которою в единый миг почти
Великие научные открытия
Его грозят на части разнести.

А пахарь пашет землю без политики,
И женщины рожают сыновей,
А вовсе не колесики и винтики
Для планов всех ее и всех затей.

Но вырастают сыновья в воителей,
И льется кровь на травы и на снег,
И добрый хлеб становится политикой,
Когда его хватает не для всех.

Но над земли релейными метелями
Сквозь гром и лязг, наперекор судьбе,
Летит под вечер песня колыбельная
Не дальше окон в рубленой избе.

Вчера, сегодня, словно в дни былинные
И в дни предчувствий атомных тревог,
Бесхитростная, тихая, недлинная,
Коротенькая — на один глазок.

Моря стихают голубыми взмахами,
Садится солнце красное в леса.
Над бурями, конфликтами и страхами
Плывет она, пронзая небеса.

Мне грустно. Я мерз у костров без обиды
И верил — недаром копчу это небо,
И счастлив лишь тем, что я видывал виды,
И сыт не единым, как водится, хлебом.
Мне грустно. Но вновь не дано повториться
В сверкающем мире, что будет вовеки,
Ни плеском ребенка над синим корытцем,
Ни всплеском весла, полюбившего реки.
Не будет прозрачного утра в печали
И в радости, или в тревоге и грусти.
Уходят деревья в бескрайние дали,
Река уплывает в нездешнее устье.
Под облаком птица летит в беспредельность
И камень-валун в придорожной канаве
Плывет неподвижно в иной понедельник,
В иное столетье, без всяких заглавий.
Мне грустно, но черное спаяно с белым
И левое с правым, и мир симметричен.
И нету у жизни и смерти предела,
А времени ветер не знает различий.
Метет он незримый, но видимый взору,
Срываются звезды, восходят растенья.
Метет, а в какие там дали, просторы, —
Ни звука оттуда, ни эха, ни тени...

Весенняя трава права.
Она встает над прошлогодней
Травой без тени торжества,
Но только выше и свободней.

Над ней восходит ток жары,
В звон колокольчиков чуть слышный,
И одуванчиков шары,
Как облачка, стоят недвижно.

Она глядит во все глаза
Раскрытых незабудок синих,
В распахнутые небеса,
Купая корни в рыжей глине.

И им, и ей настанет срок,
Но в солнце дня и утра стыни
Ее не тяготит урок
И не страшит небес пустыня.

«Крутится, вертится шар голубой...»
Глупая песенка из позабытых.
Вслед за охрипшей военной трубой
Рушатся в степи, как ливень, копыта.

Танковых армий натруженный рев.
В небе атаки стремительный росчерк.
В красные, синие крыши домов
С бомбами свистом вбит пикировщик.

В шахтах тела маслянистых ракет.
Лампы компьютеров в дрожи экрана.
Памяти нет. Памяти нет
У равнодушия. Это ль не странно?

Памяти нету. И времени нет.
Гитлера танки, клинки Темерлана
Или из космоса хлынувший свет?..
Нам-то не все ли равно, как ни гляну?

«Крутится, вертится шар голубой...»
Глупая песенка так уж глупа ли?
Нам лишь на это надежда с тобой,
Как наши предки на то уповали.

НА ШЕКШЕ

Ю. Бондареву

Взъерошенная синяя река
Открылась вдруг с железного парома
Простором, уплывающим в века,
А не в леса за кромку окоема.

Даль не сводила вместе берега
И даже не сближала перспективой.
И словно бы гигантская дуга
Река в нее входила всем разливом.

И горожанам, повидавшим свет,
Давно решившим, что он мал и тесен,
Почудилось, что края свету нет
И не бывать, да он и неизвестен.

В просторе синем белый пароход
Как будто парус засверкал, и сразу
Подумалось, что с вольницей плывет,
Не ровен час, навстречу Стенька Разин.

И даже след дюралевой стрелы
Был в грозном небе след не самолета,
А след стрелы, запущенной из мглы,
Перуна в небе росчерк беззаботный.

Мне нынче снится край родной ночью,
Воды большие светлы. И по ней
Я все плыву в веселье и в печали,
Как в дни далекой юности моей.
Я все плыву на родину и вижу,
Как изменилась там земля сама.
В воде высокой тонет берег рыжий,
И странные там люди и дома.
Вхожу в дома я, словно в отраженья
В воде зеркальной, преломившей свет.
Я помню все там с моего рожденья,
Все узнаю, и ничего там нет.
Там все не так, и все не то, и все же
Над всем душа сжимается моя.
Тревожно и пронзительно похоже
Там все, что твердо знал и видел я.
И все плывет вода и все струится
Куда-то вдаль, куда-то вдаль. Куда?
Старинные над ней восходят лица,
Как месяцы, как луны, как года.
Зеленые и вянущие травы,
Осенние березы и кусты,
Недвижные, как будто бы неправда,
Среди равнины, словно у черты,
Где может все неожиданно оборваться
От шороха, как будто от беды.
И сладко там, и страшно оставаться
И сознавать мне этот сон воды...

СОДЕРЖАНИЕ

I

Родина	5
Мой лейтенант	7
«А мы такую книгу прочитали...»	9
«Руками, огрубевшими от стали...»	10
«Как на родине? Осень...»	11
В землянке	13
«Есть на Шексне далекой...»	14
«В танке холодно и тесно...»	16
«Погадай мне в этот вечер...»	17
Карбусель	18
Отдых	19
Смотровая щель	20
Дружба	21
После марша	22
«Потомок наш о нас еще вспомянет...»	23
«Его зарыли в шар земной...»	24
«Вот человек — он искалечен...»	25
«Жить от атаки до атаки...»	26
«В пустых землянках, в спутанных траншеях...»	27
В кино	28
Гвардейское знамя	30
«Приснилось мне жаркое лето...»	31
9 мая 1945 года	33
«Что знаю я о мире и войне?...»	35
Ровесникам	36
«Всю ночь за лесом где-то шла гроза...»	38
«Мы говорим, задумываясь редко...»	39
«В ранней юности, в дальней были...»	40
«Конь плакал, падала звезда...»	41
Мга	42
«Знаю я, что в мае, в сорок пятом...»	44
«Умер маршал. Нет, не умер маршал...»	45
«Когда это будет, не знаю...»	46

II

«Кто же первый сказал мне на свете о ней?...» ..	49
Акрополь	50
«Светлый север, лес дремучий...»	52

Дергач	53
«Человеку холодно без песни...»	54
Побывальщина	55
Вступление к сказке	57
«Болото, да лес, да озера...»	58
«Всплошную голубым узором...»	59
Белозерье	60
Колодезный журавль	61
Поездка в Ковжу	62
«Облако за месяц зацепилось...»	63
«А мне, пожалуй, ничего не надо...»	64
«Ты любовь не зови...»	65
Кружка молока	66
Свежий хлеб	68
Мытье полов	69
Щи	70
Петр Великий в Вологде	72
Приглашение	74
На Волго-Балте	75
«Вечернее мычание коров...»	77
Уха	78
«В моей деревянной России...»	79
Перед праздником	80
«Что может быть проще еще и сложнее...»	81
Кружевницам	82
Пейзаж	83
«Бывает так: уже пришла весна...»	84
На севере	85
«За рекой-рекою в зареке...»	86

III

Белозерск	89
Дионисий	90
Старая фреска	92
Монолог война с Поля Куликова	93
На Белом озере	94
Сказы о Дионисии	96
«Кто был изобретатель колеса?...»	102
Второй	103
«И Русь не та, и русские не те...»	104
«А кто такой Бартоломей Диас?...»	105
История	107
«Я много слышу о народе...»	108

Как трудно делалась история...»	109
Коммунисты	110
«Далекое становится все ближе...»	111
«Я верю в бога, но не с бородой...»	112
Ода дураку	113
«Куда уходят годы? Ну куда...»	114
«Я стану облаком, зарей...»	115
Песня о мамонте	116
Птица Сирип	118
В Западной Европе	119
Ха Лонг	121
Раковина залива Ха Лонг	122
Стихи о дальней дороге	123
Два монолога	125
«В каменной, стальной глуши...»	127
«Ты в жизни жег хоть раз мосты...»	128
«Давно всему известно свету...»	129
«Уходит женщина. Уходит...»	130
Глаза	131
В автобусе	132
«Весна, а что она такое?...»	133
«Меня страшат аэродромы...»	134
«Ракетами, как луг ракетами...»	135
«Хотел бы я волшебным даром...»	136
«Я вижу Ленина портреты...»	138
«Меня раздумья одолели...»	140
«Всю жизнь куда-то далеко спеша...»	141
«Человеку очень много надо...»	142
«И я когда-нибудь, однажды...»	143
«А с вами не бывает так?...»	144
Твоя судьба	145
«Что в мире слаще истин прописных?...»	146
«В книгу судеб не внесена...»	147
Икар и Дедал	148
«Ах, этот протопоп опальный...»	150
«Весь шар земной устал от той политики...»	151
«Мне грустно. Я мерз у костров без обиды...»	152
«Весенняя трава права...»	153
«Крутится, вертится шар голубой...»	154
На Шексне	155
«Мне нынче снится край родной ночами...»	156

Орлов
Сергей Сергеевич

**ИЗБРАННЫЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ**

Составитель

В. С. Орлов

Редактор

В. А. Беднов

Художник

Р. С. Климов

Художественный редактор

В. С. Вежливцев

Технический редактор

Н. Б. Буйновская

Корректор

М. М. Михайлова

Сдано в набор 3/1 1978 г. Подп. в печать 3/III 1978 г.
Форм. бум. 70×90¹/₃₂ (бум. тип. № 2). Физ. печ. л. 5,0.
Усл. печ. л. 5,85. Уч.-изд. л. 5,193. Тираж 10 000.
ГЕ04106. Заказ 301. Цена 80 коп.

Северо-Западное книжное издательство,
Вологодское отделение, Вологда, Урицкого, 2.
Областная типография, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.

Сергей Сергеевич Орлов (1921—1977) — яркий представитель фронтового поколения советских поэтов. Он воевал на Волховском и Ленинградском фронтах, дважды горел в танке. Первая книга его стихов «Третья скорость» (1946) и целый ряд последующих сборников — своеобразная летопись суровых военных будней, фронтовой героики, солдатской дружбы. К этим темам поэт неизменно обращался и в своих последних книгах. За сборник стихов «Верность» он был удостоен Государственной премии РСФСР. Творчеству Сергея Орлова свойственны лирические раздумья о времени, о назначении человека и нравственной ценности его дел, о любви. Во многих стихах поэт воспевает людей и природу Вологодского края, откуда начался его жизненный и творческий путь.

